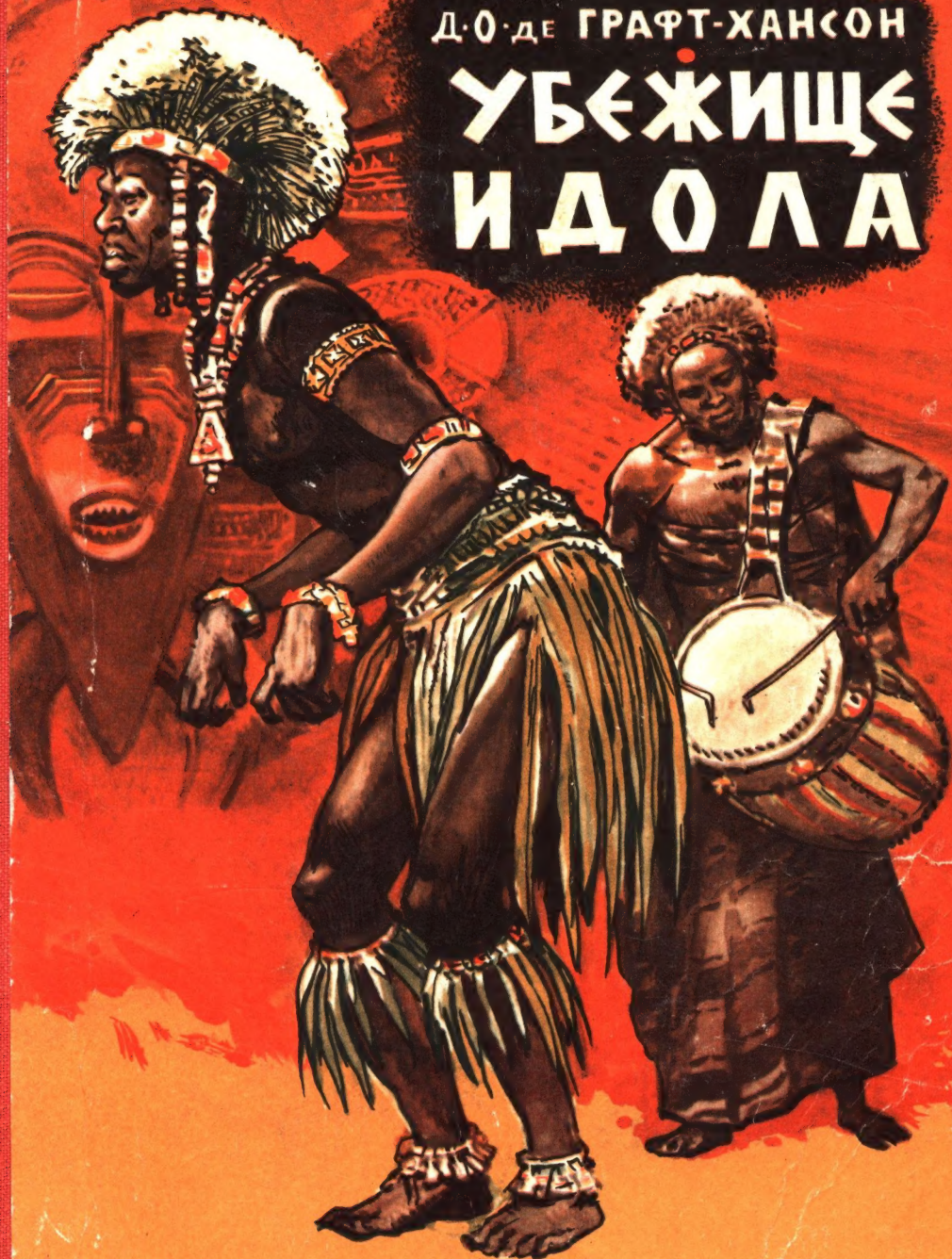

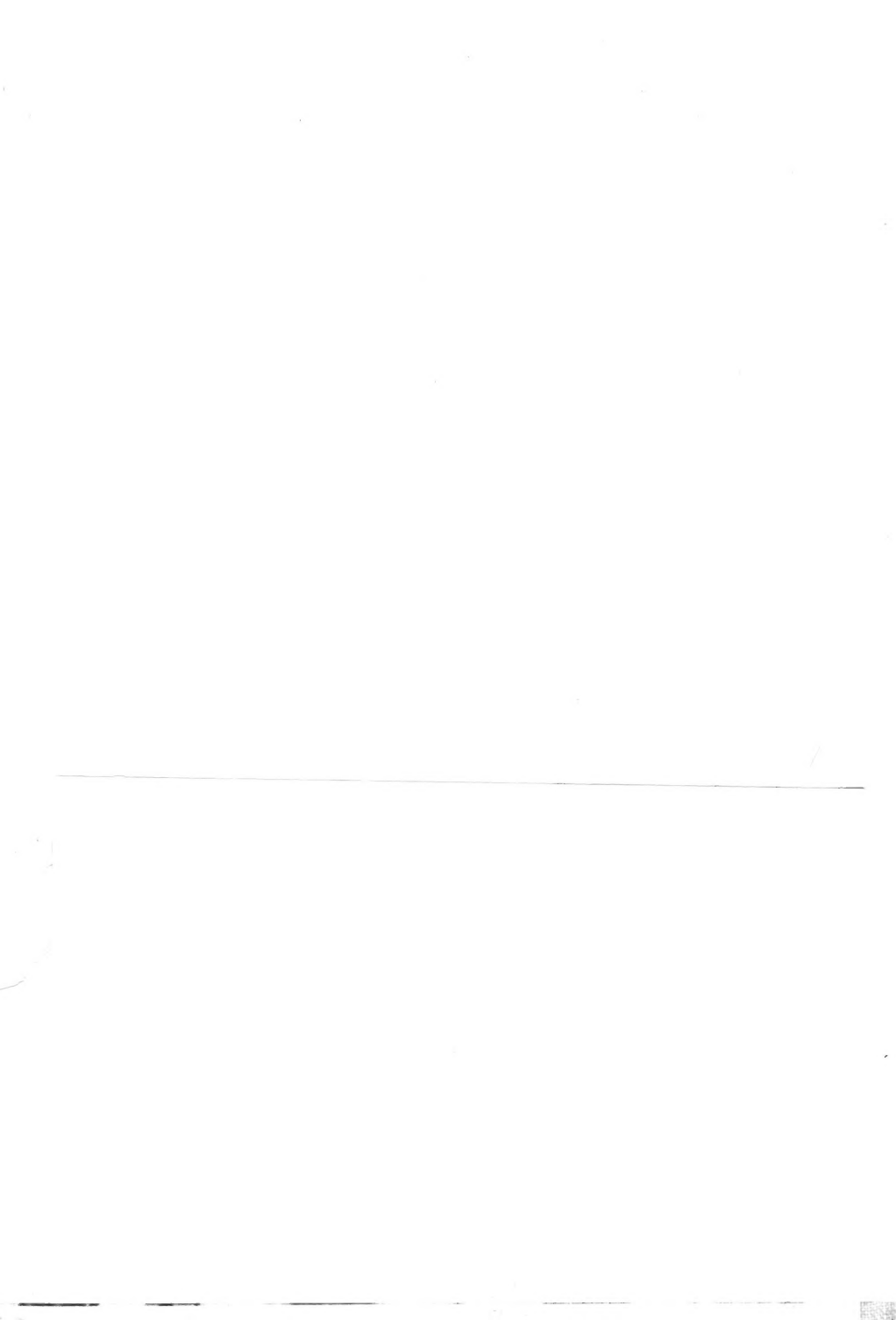
Д.О. ДЕ ГРАФТ-ХАНСОН

УБЕЖИЩЕ ИДОЛА

И
Г 78

Д. О. де ГРАФТ-ХАНСОН

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Е. КАТАСОНОВОЙ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

007347 94

Централизованная система
государственных
детских библиотек
г. Свердловск

И (АФР)
Г 78

J. O. de Graft-Hanson
The Fetish Hideout
Ghana Publishing Corporation
Accra — Tema 1975

Предисловие и примечания

М. ЧУПРИНА

Г $\frac{70803-384}{M101(03)81}$ 390—81

© Перевод на русский язык. Предисловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.

МИР ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Все вы, ребята, конечно, знаете сказку о голом короле. О том, как легко провели его величество и всех придворных двое обманщиков-портных. Ну а кто открыл всем правду? Кто громко крикнул: «А король-то голый!»? Это был такой же, как вы, гражданин страны Детство. Где же находится эта страна? Да везде, где встретишь ее граждан. Но об этом в другой раз...

Герои повести известного ганского писателя Дж. де Граффа-Хансона — девочка Опокува и ее друзья Боафо и Агьяман — поступили так же, как о том рассказано в сказке Андерсена. Только эти ребята живут не в Дании, а на побережье Гвинейского залива, в Республике Гана, среди народа фанти.

В высоком голубом небе беспощадное солнце, белая пена прибоя вдоль побережья, изумрудная глубина вечнозеленых лесов, буро-оранжевая почва распаханного поля, лиловато-красные орехи кола, серые толстые корни ямса, красные, вырезанные из дерева статуэтки, белая одежда — крада, одеваемая в торжественных случаях, — все это для нас удивительно и необычно, все оставляет в памяти яркое впечатление.

Под благодатными дождями благоухают диковинные растения, привольно живут невиданные животные. В густом лесу трудно пройти сквозь заросли тыквенных и дынных деревьев, на которых растут неизвестные нам плоды калёбаса и папайя, отдаленно напоминающие тыкву и дыню.

В девственных чащобах летает великое множество птиц, среди них — птица-бапаносед и птица-носорог. На земле встречаются кистехвостый дикобраз и длинноволосый кабан, а в водоемах — тупорылый крокодил. Из насекомых самые известные, пожалуй, паучок-ананси, о похождениях которого рассказывают немало легенд, и страшная муха цеце.

Есть там и зверек, называемый древесным жиряком. Чуть больше зайца, он удивительно похож на медвежонка. Зверек этот неуклюж, покрыт густым мехом, передвигается на коротких лапках и живет на деревьях. Именно его крику: «Овеа-а, овеа-а» подражает в повести Опокува, призывая ребят на помощь. Фанти так и называют этого зверька — овеа.

Есть в Гане и знаменитые шоколадные деревья. Из их плодов добывают семена, именуемые какао-бобами, из семян этих делают шоколад.

Народ фанти — к нему относятся герои повести — населяет прибрежные, поросшие лесом районы страны. С марта по август у фанти — сезон дождей. Именно в это время фанти возделывают свои поля. От дождей зависит будущий урожай. Вот почему засуха в это время года воспринимается героями книги как трагедия.

Фанти любят музыку, есть у них высокоголосые дудки и гулкие барабаны. Представьте себе, что перестук барабана становится вдруг похожим на человеческий голос — глубокий и душевный. При знании местного языка и после небольшой тренировки можно понять «барабанный язык». Иногда посчастливится услышать целую повесть — «барабанную историю» или загадку, например, такую:

Кто сильнее, скажи, из троих:
Кто ушел далеко-далеко?
Кто ушел уж давным-давно?
Или тот, кто пришел раньше них?

Загадал загадку барабан, и залилась тонкозвучная дудочка абэнтia в честь почетного гостя. А гостю требуется ответить. Взять в руки рог из бивня слона, поднести ко рту...

Ежегодно в первой половине сезона дождей фанти проводят древний праздник, называемый Ахюла-Кума. Все фанти от мала до велика приходят на могилы своих предков и поклоняются идолу.

После обычных обрядов старики рассказывают молодежи о том, каким был их предок: добрым, честным, отважным. Старики наставляют молодежь идти по его стопам. Девочкам рассказывают об их прародительнице: доброй и кроткой дочери, заботливой и бережливой жене, нежной и любящей матери. На Ахюла-Кума молодежь узнает, на смену кому идет их поколение.

Рассказывают молодым людям и о том, почему они называются «фанти». Постоянные набеги врагов привели к жестокому голоду. Чтобы выжить, люди стали питаться растениями, которые назывались «фан». С тех пор племя стали называть «фанти», что означает «те, кто едят фан». Рассказывают и другое. Говорят, что в далекие времена среди народов акан вспыхнула ссора; одна народность отделилась и ушла на юг. Их стали называть «фа-тси-фу», что означает «отделившиеся люди» или кратко — фанти.

Многое узнают мальчики и девочки из истории фанти. Им рассказывают о трех великих старцах, которые привели соплеменников в благодатные места. Старцы не выдержали тяжелого пути, и прах их с почестями захоронили недалеко от города Манкесима. Место захоронения стало святыней фанти. Туда-то и отправились молить духов о благодатном дожде герои повести.

В Гане говорят: «Золото приносит несчастье». И в этих словах — много правды. Издавна к побережью страны прибывали из-за моря искатели легкой наживы, главным образом выходцы из Дании, Голландии и Англии. Они искали золото.

К несчастью для фанти и других африканских народов, они его нашли. И не только желтое золото, а и «зеленое» — шоколадные деревья, семена которых привезли из Америки.

Прибывшие из-за моря колонизаторы заставляли фанти добывать для них золото, принуждали к работе на плантациях какао. Плоды труда целого народа безнаказанно увозились из Африки.

Европейцы-колонизаторы построили на побережье укрепленные крепости — форты. За их каменные стены они заставляли приносить все богатства фанти, увозили в рабство лучших сыновей племени. Так продолжалось долгие годы. Датчане грабили фанти, а также и другие народы современной Ганы 208 лет, голландцы — 274 года, англичане — 326 лет. За это время по соседству с Золотым Берегом (так стали называть

Гану) появились Невольничий Берег и Берег Слоновой Кости.

В 1957 году Золотой Берег был провозглашен независимым государством Гана (с 1960 года — республика). Фанти и другие народы Ганы обрели свободу в самоотверженной борьбе. За четверть века свободного развития республика решила многие задачи, стоящие перед страной, но, конечно, далеко не полностью. Последствия иностранного разбоя все еще тяжелым грузом давят на плечи народа Ганы.

Таков в нескольких штрихах портрет страны, где разворачиваются события повести. И теперь вряд ли вам, ребята, покажется удивительным, если вы узнаете, что в Гане есть вожди, называемые даже королями.

Конечно, это не такие короли, как в сказке Андерсена. В Гане, особенно в деревнях, короли гораздо мельче, их часто называют князьями или начальниками сельской общины. У фанти такой вождь зовется одзикро.

Во время приемов одзикро сидит на троне в окружении подданных, глашатаев, советников и воинов. На голове у него что-то вроде короны. Позади стоит слуга и держит над головой одзикро огромный зонт. У одного из воинов в руке меч с кривым лезвием и резной рукоятью, у другого — хлыст, отгоняющий злых духов, у третьего — золотая улитка — знак стремления к миру; здесь же на специальном троне лежит на боку священная скамейка асесежюа. Скамейка эта — знак королевской власти, могущества и процветания фанти.

Обращаются к одзикро почтительно, называют «На́на», жители деревни оказывают ему всевозможные почести. Многие из них батрачат на плантациях шоколадных деревьев, ухаживая за посадками и собирая какао-бобы. Возвращаясь в деревню, часть заработанных денег крестьяне отдают одзикро.

Свой одзикро есть и в деревне Абу́ра, и в городе Манкесим, о которых говорится в повести. Трое ребят — герои повести — как раз и раскрывают королю-одзикро глаза, рассказывают о чудовищном обмане. Как это случилось, какие приключения пережили в заповедном лесу Боафо, Агьяман и Опокува, как дружба ребят, их смелость помогли преодолеть все препятствия, и рассказано в книге.

Как в сказке о голом короле, именно дети первыми узнают об обмане и разоблачают мошенников — хитрых и алчных жрецов. Отныне жителям Манкесима придется надеяться только на себя, на свои силы, потому что идол их оказался ложным, а священный лес — населенным обманщиками.

В гневе разрушает вождь Абуры убежище идола, в огне находят свою смерть жрецы. И боги, как того боялся одзикро Нана Оту, не карают за кощунство народ фанти. Напротив — небо посылает на пострадавшую от зноя землю благодатный дождь. Люди с удивлением и радостью обнаруживают, что могут существовать и без богов. Нет, они не погибли, прикоснувшись к идолу, как их в том веками убеждали жрецы. Погибли сами жрецы. А фанти, как и все народы земли, будут жить, пока будут возделывать свою землю, строить на этой земле дома, учить и готовить к лучшей жизни своих детей.

М. Чуприн

Редакция выражает признательность г-ну Экóу Бентíлу из Солтпóнда (Гана), при любезном участии которого были выяснены многие детали быта народности фанти.

1. ЗАСУХА

у, что же нам теперь делать? — спросил вождь.

Он безнадежно обвел взглядом людей, сидящих вокруг него под большим развесистым деревом. Дерево росло во дворе по левую сторону от главного входа в покои вождя, и под ним собирались старейшины. Сейчас, кроме четырех старейшин, под деревом сидели еще верховный жрец и толкователь¹. Все они были озабочены и печальны. Та же безнадежность, что и у вождя, была у них в глазах.

Вождь задал вопрос, потому что получил горькие вести — ему принес их верховный жрец Окóмфо Квéку Ампéа. Жрец просил богов и духов предков поведать ему причину жестокой засухи, поразившей Абúру². Он обошел всех идолов³ и священ-

¹ Жрец — по религиозным верованиям, общается с духами, он же имеет право «беседовать» со священными идолами. Толкователь — специальный человек в племени, который беседует от имени вождя с народом, а также с представителями других племен, сообщает народу решения вождя.

² Абúра — один из племенных союзов народности фанти, проживающей в прибрежных областях Ганы. Так же называется и деревня, в которой начинаются разворачиваться события, происходящие в повести.

³ Идол — неодушевленный предмет, который, по представлениям верующих, наделен сверхъестественной силой. Во многих странах Африки служит объектом поклонения.

ные рощи, возлагая богатые дары и принося жертвы богам,— все было напрасно: боги молчали. Ампеа ушел от них ни с чем, ушел, сокрушенно покачивая головой. Великие боги и духи предков отказывались с ним говорить...

Засуха между тем продолжалась. Дожди, которых ждали четыре месяца, все не шли. Ни единой капли не упало на изголодавшуюся землю. Куда бы ни обратили свой взор люди, везде перед ними лежала высохшая земля, пыльная и растрескавшаяся под знойным, слепящим солнцем.

А ведь был сезон дождей, дождям надлежало пролиться на заждавшуюся землю. Крестьяне давно уже приготовились к севу: они очистили поля от колючих кустарников и сожгли их в больших жарких кострах. С надеждой и нетерпением ждали они первого ливня. Пройдет дождь, земля напитается влагой, и они засеют свои поля.

Да, крестьяне ждали дождя, они так на него надеялись! День за днем по бескрайнему лику неба плыли, клубясь, черные грозовые тучи. Но напрасно жадно следили за ними люди. Тучи проплывали над унылыми хижинами, над полями и исчезали из виду. И никто не знал, где они проливались дождем, если они действительно проливались...

Старики не помнили такой долгой засухи. Пересохли все колодцы Абуры. Бурные потоки, в которых люди обычно купались и стирали свои одежды, стали хилыми ручейками, с трудом пробирающимися в потрескавшемся ложе. Были и такие, что превратились в болотца стоячей воды.

Яростный жар солнца превратил деревья в торчащие среди полей скелеты. Гуава и яблони, папайя и платаны¹, даже заросли бананов стояли сожженные солнцем, листья их ссохлись, а стебли пожухли и почернели. И поля, и луга, и хижины —

¹ Г у а в а — деревья и кустарники со съедобными кисло-сладкими ароматными плодами; п а п а й я — дерево, на котором растут сладкие плоды, похожие по вкусу и внешнему виду на дыню; п л а т а н — высокое дерево с широкой кроной, иногда достигает гигантских размеров.

все обуглил беспощадный зной. Только поля были бурыми, а луга — черными или серыми от толстого слоя пыли. И на этих бурых полях, жалобно блея, бродили козы и овцы, пытаясь щипать сухую траву: больше им нечем было кормиться.

Никто не мог уже выносить засуху. И не потому только, что все время хотелось пить, а потому, что сама жара была нестерпима. Люди двигались как во сне, медленно и устало, и быстро теряли силы. К полудню все вокруг замирало. Недвижно застывал знойный воздух. И не было дерева, которое могло бы дать благодатную тень. Даже когда дул ветер, воздух все равно оставался горячим.

— Что-то дурное есть в этой засухе, — шептались люди. И старики согласно качали головами.

Еще бы! Конечно, это не просто жара, это беда, и здесь не обошлось без духов предков и местных богов. Почему же тогда четыре месяца отказывается пасть на их землю дождь, которого все так ждут? Не иначе, как разгневались боги или обиделись духи предков... Но никто не знал, чем именно прогневали люди богов и как их умиловить... Никто... даже те, что общались с богами — жрецы и жрицы. Все знали только, что боги удерживали дожди, не позволяли пролиться им наземь.

Иногда людям казалось, что боги просто потешаются, смеются над ними, иначе зачем они каждый день посылают на небо темные тучи? Тучи клубятся над головой, обещая дождь и прохладу, но боги оставляют дождь при себе...

Шли унылые дни, складываясь в недели; надежда покидала сердца. И тогда великий вождь Нана Оту¹ приказал снова обратиться за советом к богам, умиловить их, если они разгневаны. И жрецы зарезали кур, коз и овец, оросили джином² идолы и подножия священных деревьев, они поставили перед идолами блюда, полные ямса³, залитого пальмовым маслом и

¹ Нана — почтительное обращение к вождям и важным лицам, букв. «прародитель». Входит в имя собственное.

² Джи — водка, перегнанная с можжевеловыми ягодами.

³ Ямс — растение со съедобными клубнями.

посыпанного крутым яйцом. Они сделали все, что велел вождь, но засуха продолжалась.

Теперь уже сам Нана Оту утратил веру, и взгляд его был растерянным и печальным, словно он перестал быть вождем, превратился в простого смертного. А тут еще верховный жрец Квеку Ампеа со своими дурными вестями.

Какое-то время все молчали, опустив головы, уставясь неподвижным взглядом на запекшуюся, твердую землю, покрытую густым слоем пыли. Капельки соленого пота выступили на лбу у людей, покрыли мелкими росинками крылья носа.

— Осталось только одно... — сказал наконец Опанун Фунн, толкователь, — только одно нам осталось...

— Что же? — медленно поднял голову вождь. Старейшины с надеждой смотрели на Фунна. Они ждали.

— Мы должны отправиться за советом к Нананомпоу...¹

Нананомпоу... Это слово вызвало в их сердцах трепет. Нананомпоу... Там укрыт самый великий, самый могущественный из всех идолов племен фанти. К нему не следовало обращаться по пустякам, да и серьезные дела решались обычно без его участия. Только если местные божества и духи не помогали, не могли помочь, — только тогда разрешалось приблизиться к Нананомпоу. Он был последним прибежищем, последней надеждой в годину бед и несчастий, таких вот, как эта засуха. Потому что засуха — страшное бедствие для людей Абуры. Потому что засуха — это неурожай, а неурожай — это голод.

— Послезавтра начинаются дни паломничества к Нананомпоу, — продолжал толкователь. — Их всего три. Три дня, когда можно просить помощи у великого идола. Он — наша последняя, наша единственная надежда в этой беде...

¹ Н а н а н о м п о у — означает дословно: «место предков» — святины племен фанти, где находится могущественный идол. По преданию, он был предназначен для фанти самим богом.

Опанун Фунн говорил, а люди молча смотрели на него. В сердцах их застыл страх. Они знали: им придется идти через густой лес, в темную, мрачную лощину, к убежищу идола...

— Так... А что скажешь ты? — бесстрастно спросил Нана Оту, и глаза его, полные тревоги, остановились на верховном жреце.

Когда дело касалось богов, духов и идолов, вождь всегда обращался к нему за советом.

— Толкователь знает, что говорит, — важно произнес Оком-фо Квеку Ампеа. — И я с ним согласен. Странно, что я сам не подумал об этом...

Если бы Нана Оту и старейшины заглянули в тот миг жрецу в глаза, возможно, они прочли бы в них истину. Возможно, они увидели бы, как хищно они блеснули, как разгорелись алчным огнем, когда толкователь заговорил о великом идоле их края. Может быть, вождь и старейшины поняли бы, что в голове жреца пронеслась мысль о некоей возможности, о какой-то выгоде — той, чем может обернуться паломничество.

— Да, — повернулся верховный жрец к толкователю, — ты сказал хорошо.

— Ну что ж, в таком случае отправимся в Манкесим¹ завтра же, — вынес решение вождь. — Мы больше не можем ждать, не можем тратить драгоценное время. — Вождь обвел взглядом старейшин. — Все должны быть готовы двинуться в путь на рассвете, — добавил он. — Приготовьте все, что понадобится нам в пути. И отправьте немедленно гонца к вождю Манкесима, пусть известит его о нашем прибытии...

Видно, и в самом деле великая беда грозила племени. Разве согласился бы иначе сам Нана Оту покинуть Абуру?

Но вот вождь встал, а за ним поднялись остальные — толкователь, и верховный жрец, и старейшины. Все они проводили Нану Оту в его покои. Все, кроме одного из старейшин: тот поспешил отправить гонца к вождю Манкесима. И еще

¹ М а н к е с и м — столица племен народности фапти.

один человек выскользнул из свиты вождя и куда-то исчез — это был верховный жрец Окомфо Квеку Ампеа.

Весть о том, что сам вождь решил отправиться в Манкесим, мигом разнеслась по дому, и скоро все там пришло в движение. Слуги сновали взад и вперед, входили и выходили, эмблемы власти — паланкин¹ и большой государственный зонт², были вытащены во двор — их надлежало приготовить к долгому путешествию; в кухне трещал огонь — жарили в дорогу мясо. К вечеру все было готово.

Ничто и никто не мог ускользнуть от пытливого взгляда Опокувы — она с утра до ночи носилась по двору, играя с другими девчонками, и всюду совала свой любопытный нос: она непременно хотела все знать и все видеть. Опокува задавала сто вопросов сразу и думала о тысяче разных, очень важных дел. Вот и получалось, что она всегда знала больше, чем ее друзья Агьяман и Боафó, а ведь они были старше Опокувы: Агьяману исполнилось двенадцать лет, Боафо — тринадцать. Только они не были так любопытны, как Опокува, и еще они были застенчивы.

Сегодня Агьяман еле-еле дождался конца ужина: так хотелось все поскорее узнать! Ужин был превосходным: суп из плодов пальмы и еще фуфу³ — объеденье! Но друзья все равно спешили, проглатывая, обжигаясь, горячий суп, быстро съели фуфу и выбежали во двор. Пот струился с их разгоряченных лиц.

— Слушай, что это они все так носятся? — спросил Агьяман друга.

¹ Паланкин — специальные посылки в форме длинной корзины, на которых носят важных персон в Африке и некоторых странах Востока.

² Зонт — балдахин, символ власти; при выездах вождя всегда раскрыт над его головой. Наверху зонта обычно укреплен знак племени: тигр, леопард и т. д.

³ Фуфу — национальное блюдо; готовится из ямса или маниоки с мясом дичи, часто подается в форме шариков.

— Не знаю... — пожал плечами Боафо.

— Наверное, что-то случилось.

— Конечно, с чего бы им иначе бегать, в такую-то жару? Может, спросим вождя? Ведь мы его почетные гости.

— Да нет, он не скажет, — задумчиво покачал головой Агьяман. — Вожди не посвящают в свои планы детей, даже если эти дети — их гости.

Ребята задумались: как им быть? Они и в самом деле были гостями вождя, они двое и эта девчонка, двоюродная сестра Боафо. Не так давно они сумели спасти священную скамейку вождя своей деревни¹, уберечь её от алчных рук белого человека². Весть об их отважном поступке разнеслась по племенам фанти, и даже соседние племена — ашанти³ знали теперь об этом. Когда же новость донеслась до самого Наны Оту, он пригласил всех троих погостить у него в Абуре. Ведь вождь той деревни, где так отличились ребята, был его личным другом!

Друзья гостили у Наны Оту уже больше недели. Их все привечали, хвалили, осыпали подарками. Подарки были разные — маленькие и большие, ценные и не очень. Но больше всех угодил им главный охотник двора: три дня назад подарил собаку — большую, черную, с белой широкой грудью. Теперь друзья сочиняли псу имя; они предлагали и то и это, но Опокуве не нравилось ни одно из звучных имен, какие выдумывали мальчишки. Она отвергала их все и твердила свое: у пса должно быть необыкновенное, лучшее в мире имя, такое, чтоб сразу вспомнилось: пса подарили им при дворе Наны Оту.

¹ У каждого вождя ганской деревни есть особая скамейка — олицетворение власти. Отдать ее в чужие руки — величайший позор и горе.

² Многие богатые европейцы и американцы пытаются скупать в странах Азии и Африки предметы культа, часто представляющие собой редкие произведения национального искусства. В настоящее время правительства развивающихся стран запрещают вывоз такого рода ценностей за границу.

³ А ш а н т и — северные соседи народности фанти.

Сейчас Опокува ужинала вместе с одной из своих новых приятельниц и болтала без умолку. А мальчишки нетерпеливо ждали. Сколько можно есть, в самом деле? Когда она выйдет? Но Опокува ела не спеша: ей было ужасно жарко, а тут еще огненный суп! Но вот она, не торопясь, вышла. Ребята тут же потащили ее на веранду, в восточное крыло дома. Все трое уселись поудобнее и, прежде чем поговорить о непонятной суматохе, переполошившей весь дом, посмотрели — уныло и безнадежно — на небо. Оно было темным, угрюмым, и даже ветер не дул в этот день.

— О, какая ужасная жара! — вздохнула Опокува.

Ребята молчали: что они могли ей сказать? Слишком хорошо они ее понимали. Потом Агьяман подтолкнул локтем Боафо:

— Ну, что ж ты не спрашиваешь? Что это творится в доме, а? Кто знает?

— А разве есть кто-нибудь, кто не знает? — расхохоталась Опокува.

Боафо бросил быстрый взгляд на вредную эту девчонку. Неужели она их снова опередила?

— Ты о чем? — осторожно спросил он.

— А ты не знаешь? — усмехнулась в ответ хитрюга Опокува.

— Не спрашивал бы, если б знал! — взорвался Агьяман. — Говори, если тебе что известно, слышишь?

Ох и вредная эта Опокува! Обожает секреты, всяческие тайны... Вечно что-то таит, даже от него, Агьямана; никогда не скажет прямо!

— Ничего я не знаю, — сказала Опокува ехидно и пошла было прочь, но Боафо успел схватить ее за руку. Он схватил свою хитрую сестру и держал теперь крепко.

— Ах ты, врушка! — сказал он гневно и сел на ступеньки, не выпуская ее руки.

Опокува хмыкнула и вдруг мирно уселась рядом, а он-то думал: визгу будет — на весь дом. Она села рядом с братом,

но молчала как камень. Боафо рассвирепел, однако вида не подавал, терпеливо, покорно ждал.

— Ну же, рассказывай,— взмолился наконец Агьяман. Разве можно принудить эту упрямцу? Ее можно только уговорить.— Ты же все знаешь... Ты же такая умница...

В ход была пущена тонкая лесь.

— Ну почему бы тебе не сказать?...

Наступило долгое молчание. В темноте не было видно лица Боафо, но Опокува чувствовала, как растет его гнев. Еще минута — и братец взорвется. «Ладно уж, хватит с них», — подумала Опокува и нарушила тягостное молчание.

— Завтра вождь отправляется в Манкесим,— одним духом выпалила она.

Мальчишки перевели дыхание: наконец-то заговорила...

— Зачем? — сразу же, пока эта девчонка не передумала, спросил Агьяман.

— Просить помощи у Нананомпоу.

— В чем? — продолжал наступать Агьяман.

— Ну как в чем? Зачем ходят к идолу, как ты думаешь? — затараторила Опокува. — Да еще к такому — самому главному, самому знаменитому, самому сильному?

— Понятно... — протянул Агьяман.

Он был очень взволнован. Вот это да! Вождь, оказывается, отправляется к великому Нананомпоу! А они — гости вождя. И ведь они никогда не путешествовали, не уезжали далеко от дома, а уж о знаменитом идолу племени фанти и мечтать не смели! Будет о чем порассказать друзьям-приятелям, тем, что остались в родной деревне! Если их, конечно, возьмут...

— Как ты думаешь, а вождь нас возьмет? — с замиранием сердца спросил Боафо: он и забыл, что решил не разговаривать с Опокувой.

— Не знаю,— неопределенно пожала плечами Опокува.

— А почему бы нам не спросить? — загорелся Агьяман. — Правда, давайте спросим?

007347

Музейно-исследовательский отдел
Государственного
Музея Антропологии
г. Свердловск

— Ну и кто из нас троих это сделает? — ехидно осведомилась Опокува.

Боафо растерянно встретил ее смеющийся взгляд. Но Агьяман тут же нашелся.

— Ты, конечно, — сказал он небрежно.

— Это почему? — возмутилась притвора: кто же, кроме нее, мог отважиться на столь дерзкий вопрос вождю? О, она это превосходно знала, и ее друзья знали тоже.

— Потому что ты — любимица Наны Оту, — твердо сказал Агьяман.

Честное слово, он один мог с ней управиться, Боафо никогда бы так не сумел.

— Да-да, — подхватил он. — Спросить должна ты.

Уф, наконец-то уговорили! Вопрос был решен. Ребята встали и пошли в дом, даже о духоте забыли.

Вождь сидел в большом зале и отдыхал. Он уже отужинал и тоже, как все, страдал от жары. Нана Оту дремал, развалившись в кресле, покойно скрестив руки на животе, а две молодые служанки мерно взмахивали большими широкими опахалами¹. Стараясь создать хоть видимость прохлады, они без устали колыхали опахало, но вождь все равно изнемогал от жары. Неяркие фонари, висевшие на стенах, с четырех сторон освещали зал, их свет падал на Нану Оту — красивого и еще молодого, стройного и широкоплечего. Да, он был красив, могучий вождь Нана Оту. Но сейчас он сидел, бессильно откинувшись в кресле, и лоб и плечи его блестели от пота при свете этих неярких фонарей. Опахала плавно раскачивались в смуглых руках служанок, но какой был толк от этих больших вееров?..

Вот такая картина представилась взору ребят, когда они робко вошли в зал. Как-то отнесется вождь к их просьбе?

¹ Опахало — огромный веер на длинном шесте.

Вдруг рассердился? Сердца их стучали в волнении и страхе. Но волновались они напрасно: Нана Оту был в отличном расположении духа — он верил в силу великого идола, к которому собирался отправиться на рассвете. Вот почему, увидев гостей, он широко улыбнулся и глаза его остановились на Опокуе. Она глубоко вздохнула, стараясь придержать бешеный стук сердца, и шагнула к вождю.

— Нана,— сказала она, стоя перед ним очень прямо и глядя ему в лицо. Мальчишки держались рядом.— Нана, можно мы пойдем с тобой завтра?

— Так вы уже все знаете? — удивился вождь.— Ну и ну... Поди-ка сюда.

Опокува подошла к вождю, и он обнял ее за плечи.

— Вы — ребята умные,— начал он и посмотрел на мальчиков.

Потом с улыбкой заглянул в лицо потупившейся Опокуе. Она постаралась улыбнуться в ответ, но у нее что-то плохо получилось — очень уж она волновалась, как, впрочем, и ее друзья. Нана Оту замолчал, и тогда Опокува решилась заговорить снова:

— Нам так хочется посмотреть Манкесим! Мы так много о нем слышали! Говорят, он очень большой, этот город, говорят, там огромный базар...¹

Нана Оту был в замешательстве: взять или нет? Путь неблизок и такая жара... и все это слишком серьезно, не для детей. Но почетные гости ждали ответа, и он решился.

— Ну ладно,— сказал он, и глаза его весело заблестели.— Если уж вам так хочется...

Ах, какая радость хлынула на ребят! Они заорали от восторга, захлопали в ладоши, Агьяман даже подпрыгнул. Служанки так изумились, что опахала опустились чуть ли не до полу:

¹ Базар в Азии и Африке — не только место торговли, но и место, где люди встречаются, обмениваются новостями, проводят время.

так вести себя в присутствии вождя! И ребята заметили их изумление и гневные взгляды, вспомнили, где они и перед кем стоят в этом тронном зале. Они смущенно переглянулись, а потом робко посмотрели на вождя. Но он, похоже, ни капельки не обиделся за такое непочтительное их поведение. Наоборот, Нана Оту разразился таким веселым и громким смехом, что служанки вздрогнули: теперь они не понимали и своего господина.

— Спасибо, спасибо тебе, Нана Оту,— опомнившись, благодарили вождя ребята, но он прервал их излияния.

— А ну-ка спать,— властно распорядился он.— Мы отправимся на рассвете, так что — живо!

Ребята, конечно, не посмели ослушаться. Они покинули зал, но спать не легли. Какой уж там сон, когда их ждало такое увлекательное путешествие! Добрых два часа, перебивая друг друга, толковали они о том, что увидят в Манкесиме.

— А собака? — вспомнила вдруг Опокува.— Пса-то нашего мы возьмем? Он ведь наш, он без нас не может...

— А почему бы и нет? — неожиданно поддержал ее Агьяман.

— Конечно! — обрадовался Боафо.— Он пойдет с нами: он тоже должен поглядеть на Манкесим.

Так они решили, обсудили все и переговорили обо всем на свете. Потом развернули циновки, лежавшие скатанными рулонами в углу отведенной им комнаты, и улеглись спать. Они заснули мгновенно, утомленные и жарой, и только что пережитым волнением, и мыслями о дальней дороге.

2. ПУТЕШЕСТВИЕ В МАНКЕСИМ

Ребята проснулись еще до зари: очень уж они волновались. Первым встал Агьяман. Он подергал за ногу Боафо, тот что-то пробормотал, повернулся и разбудил чутко спавшую Опокуву. Все трое встали, скатали циновки и аккуратно уложили их у стены. Потом прошли в кухню и умылись, черпая воду из большого глиняного кувшина. Выйдя из кухни, они наткнулись на одну из служанок.

— Поднялись, значит, ни свет ни заря? — изумилась служанка. — А Нана Оту послал меня вас будить. Велел собрать все в дорогу, велел вам выкупаться... А ну-ка, пошли за мной.

Делать нечего, пришлось, бросив калebasы¹ в воду, идти за служанкой. Она привела их в ванную комнату и принялась мыть одного за другим. Опокува постаралась, правда, улизнуть — так со сна было холодно! — но служанка поймала ее у самой двери и окатила холодной водой из чана. Мальчишки чуть не померли со смеху, глядя на это зрелище. Зато потом их мужество было вознаграждено: всех троих повели в соседнюю комнату и выдали по новому фугу² мальчишкам и платью с цветочками — Опокуве. Она сразу же надела его и побежала показаться всем в новом наряде.

¹ Калeбáса — сосуд из высушенной тыквы, плода тыквенного дерева. В больших сосудах женщины носят воду; из маленьких делают кувшины, чашки, а также маленькие барабаны.

² Фyгy — национальная одежда, тип длинного свободного балахона.

Тем временем рассвело. Большой дом жил уже своей обычной жизнью. Слуги сновали туда-сюда, выполняя последние указания вождя, и их резкие голоса звенели под сводами. Ребята вдоволь наелись горячей овсяной каши и присоединились к группе людей, собравшихся под тем же деревом, что и вчера. Подходили и подходили те, кто должен был сопровождать вождя в Манкесим. Боафо гордо зажал в руке конец веревки, к которой был привязан пес. «Сидеть!» — покрикивал он на пса, но пес и не думал выполнять строгое приказание. Он весело прыгал и дергал веревку, нюхал следы проходивших мимо людей, взвизгивал и тихонько скулил, вопросительно поглядывая на хозяина, — ему передавалось общее волнение, и он рвался в путь-дорогу.

Первые лучи утреннего солнца осветили крыши домов. Легкое движение пробежало по всем собравшимся, а потом голоса вдруг умолкли и люди повернулись к главному входу в личные покои вождя. Двери распахнулись, четверо слуг — самых высоких и сильных — вынесли паланкин. В паланкине восседал сам Нана Оту, а сзади почтительно шли старейшины. Один из слуг нес над вождем государственный зонт, высоко подняв его в сильных руках. Другой — говорящий барабан¹ на левом плече, а третий — резной рог, в который тут же и стал трубить.

Опакун Фунн, толкователь, и верховный жрец Окомфо Квеку Ампеа торжественно ступили навстречу вождю и, обойдя процессию, встали сразу же за паланкином. Они были готовы следовать за своим вождем: оделись, как подобает случаю, лица их были торжественны и серьезны, и они стремились быстрее двинуться в путь. Нана Оту тоже приготовился к свиданию со святыней: его бритое лицо, его руки и плечи были

¹ Говорящие барабаны в странах Африки — средство связи между племенами. Их «язык» понятен африканцам.

разукрашены золотым узором, богатое белое кенте¹ переброшено через плечо. Черные перекрестные полосы, а между ними — три символа племен Абуры украшали кенте вождя. Да, это был настоящий вождь, и он плыл над толпой в своем паланкине, как и подобает вождю. Все было готово, пора трогаться в путь. Но люди чего-то ждали, и скоро ребятам стало ясно, чего именно.

Из дома вышел старец. Он шел медленно и спокойно, одет был в простое белое фугу, и его не окружали слуги. Но с первого взгляда было ясно, что человек он не простой. Два других старца, тоже в белом, так же медленно шествовали за ним, и один из них держал бутыль с джином. Все трое, обогнув слуг и старейшин, прошли вперед и встали лицом к паланкину. Тот, кто нес джин, открыл бутыль, передал ее старцу. И старец заговорил, покачиваясь в такт собственным своим словам. Он говорил протяжно и громко и капля за каплей лил джин на сухую землю:

О великий Нананомпоу!
Этот джин прими и выпей!
Знаешь ты про наши беды,
Знаешь все без наших слов.

Нана Оту в Манкесиме
Будет говорить с тобою.
Нананомпоу! В путь далекий
Ты его благослови.

Пусть вернется он с удачей,
Пусть благополучен будет,
Пусть хорошие нам вести
Принесет Нана Оту.

Старец закончил возлияние богам. Он перевернул бутыль, и остатки влаги впитала в себя изголодавшаяся земля. По

¹ Кэпте — огромных размеров ткань из хлопка и шелка, в которую заворачиваются наподобие римской тоги. Сшивают ткань из узких полос, украшают сложным узором. Надевают в торжественных случаях.

толпе прокатился долгий пронзительный вопль. Процессия тронулась в путь — старец в белом фугу, джин, отданный земле, проложили ей путь.

Процессия двигалась по деревне, а по обеим сторонам дороги стояли мужчины, женщины, дети. Они стояли уже давно: они хотели видеть вождя во всем его великолепии. Вождь плыл мимо них в паланкине, и люди махали руками, и приветственные их крики долго еще висели в знойном воздухе. Жители Абуры взывали к богам, молили о благополучном исходе паломничества, желали здоровья и удачи вождю.

Но вот последняя хижина осталась позади, процессия вступила в лес — на тропу, ведущую в Манкесим. Путь был не слишком дальним, всего около пятнадцати миль¹, можно было идти не спеша. Вождь со свитой медленно подвигались вперед под сенью деревьев: Нана Оту, толкователь, верховный жрец, а потом уже все остальные, и в их числе — Опокува, Агьяман и Боафо с псом на веревке.

Солнце стояло уже высоко, и вечный мрак густого, дремучего леса чуть отступил перед ним. Опокува принялась разглядывать людей, сопровождавших вождя, — теперь у нее было на это время. Вот важно ступает верховный жрец, изо всех сил стараясь придать себе солидный вид. Но солидного вида не получается: в глазах у жреца тревога, на лице беспокойство. Боится он, что ли? Но чего ж ему бояться? Неужели Нананомпоу? Даже она, Опокува, не боится. Пока не боится, во всяком случае. А там будет видно... И потом, она пойдет к идолу не одна, с ней — Нана Оту и ее друзья, и он — верховный жрец племени. Она на него надеется. А он боится. Странно...

За жрецом и толкователем идет старший слуга. На плечах у слуги — ягненок, белый-белый, ни единого черного пятнышка на спине или голове. Ягненок этот — любимец самого Наны Оту. Он всегда сидит рядом с вождем, по левую его руку, всегда — даже когда Нана Оту беседует со своими старейшина-

¹ М и л я — мера длины, равная 1,6 километра.

ми. Ягненка любит весь дом. Да и люди Абуры чтят его, пожалуй, не меньше самого Наны Оту, чтят и верят в его силу. К тому же ягненок удивительно славный — маленький, нежный, шерстка как шелк. Ребята полюбили его почти как своего пса, того самого, что так гордо шагает сейчас рядом с Боафо. Больше всех рада Опокува, она идет и не сводит с ягненка ласкового взгляда. Хорошо, что он отправился в путь вместе с ними, да еще вон как, с почетом: его несут на руках.

— Видите, как здорово, что мы прихватили с собой нашего пса, — отвечая своим мыслям, говорит Опокува. — Нана тоже ведь взял с собою ягненка...

Нана Оту услышал тонкий взволнованный голос и улыбнулся, глядя на девочку сверху вниз, из своего паланкина.

— Я вижу, и вы не оплошали: вон как радуется ваша собака...

Ребята переглянулись и с облегчением перевели дух. Они так боялись, что вождь рассердится, из-за всех сил старались не попадаться ему на глаза. Хорошо, что он был занят беседой со старейшинами и не заметил сразу их пса. А сейчас они уже в пути, они идут в Манкесим — не гнать же бедную собаку обратно. Нана Оту, похоже, все понял. Он улыбнулся, покачал головой, но ничего не сказал — продолжал беседовать со стариками, окружавшими паланкин. Закончив беседу, он обратился к ребятам:

— Ну, как дорога? Не трудно? Вы не устали?..

Все трое дружно закричали, что нет, и стали наперебой спрашивать, что это за тропа, и далеко ли еще до города, и велик ли город Манкесим. Ребята засыпали вождя вопросами — слишком долго они молчали, — а он с удовольствием отвечал, потому что устал от серьезных бесед и впереди его ждало паломничество к великому идолу племен фанти.

Солнце пекло все сильнее. Скоро оно выкатилось на самую середину неба, и горячие его лучи безжалостно обрушились на путешественников. Слуга снова открыл зонт, высоко поднял над головой вождя. Тень падала и на ребят, шагающих теперь

совсем рядом с паланкином. Прекрасно, что зонт был таким большим и давал такую хорошую, густую тень! И все же он не был так велик, как у вождя их деревни — ребятам дважды удалось повидать тот великолепный зонт. Зато этот был гораздо красивее: золотые, зеленые, красные клинья дорогой ткани составляют его круг. По кругу шла черная шелковая бахрома. В самом центре была изображена человеческая рука, сжатая в кулак, с указательным пальцем, поднятым прямо к небу. Вот какой это был зонт! Такого ребята не видели ни разу в жизни.

Опокува, конечно, не удержалась. Она затараторила сразу же, как открылся зонт. В самом деле, как могла она молчать, когда и без того взволнована тем, что вождь обратил на них внимание и даже говорил с ними. А тут — такой великолепный, такой необыкновенный зонт!

— Нана,— сказала она, подняв голову к паланкину, но передумала спрашивать о зонте и спросила о том, что волновало ее гораздо больше: — А почему святыня, к которой мы все идем, считается самой главной у племен фанти?

— Да, скажи нам,— поддержал ее Агьяман,— почему она называется так странно — Нананомпоу?

— О, это долгая история,— задумчиво протянул вождь. — Вам и в самом деле не терпится ее знать?

— Конечно! — воскликнули все трое.

— Тогда расскажи им эту легенду, Опанун Фуня,— обратился вождь к толкователю. — Ты ведь у нас лучший рассказчик и знаешь об этом больше любого из нас.

— Ну что ж, с удовольствием,— сказал толкователь и добавил с важностью: — Отрадно, что вы хотите знать кое-что из нашей истории.

Толкователь помолчал немного, потом заговорил, не глядя на слушателей, чуть подняв голову, словно что-то созерцая вдали.

— То, что я расскажу вам, поведал мне отец. Он был, как и я, толкователем нашего племени и слышал эту легенду от

своего отца, а тот — от своего. История эта пришла к нам из далекого-далекого прошлого, она такая же древняя, как наш народ. Говорят, что когда-то народ фанти жил не там, где живет теперь. Все фанти спустились на побережье с высоких гор, пришли с севера, из-за великой реки...

— А почему? Почему они вдруг спустились с гор? — перебил толкователь Боафо: он не любил длинных рассказов и совсем не умел слушать.

— Раздоры и войны — вот что заставило фанти пуститься в далекий и опасный путь! — с горечью воскликнул в ответ Опанун Фунн. — Нас теснили враждебные нам племена. Они разрушили великую империю, созданную нашим народом. Нас притесняли в собственной нашей стране. Но народ хотел остаться свободным. Мы отказались служить поработителям и отправились на поиски новых земель.

— Нам говорили, что наши племена, племена ашанти, тоже спустились с гор, откуда-то с севера, — вставила Опокува.

— Да, конечно, — подтвердил Нана Оту.

— Это тоже — часть истории, — продолжал Опанун Фунн. — Когда-то племена ашанти и фанти были одним, единым народом. И только когда этот единый народ пришел в те края, где живут сейчас ашанти, племена разделились. Были среди наших соплеменников те, кто устали, те, кто отказались идти дальше. Другие по-прежнему стремились к югу. Те, которые остались, зовутся теперь ашанти...

— Понятно... — задумчиво кивнула Опокува.

— Но другие — потом их стали называть фанти — все шли и шли к югу, пока не достигли плодородных долин и не поселились в этих долинах. Там они сейчас и живут...

— А Манкесим, а Нананомпоу? Мы хотим знать о них, — снова ворвался в беседу нетерпеливый Боафо.

— Я как раз к этому и подхожу, — спокойно остановил его Опанун Фунн. — В те трудные времена, когда наши люди шли и шли к югу в поисках плодородных земель, три великих вождя вели их вперед. Их звали Одапагьян, Обурманкóма и

Осбн. Они были сильны и бесстрашны, но они умерли прежде, чем народ наш достиг цели. Однако люди не оставили в чужих краях останки вождей. Они взяли их с собою и несли весь долгий путь к югу, пока не доставили наконец в Манкесим. Здесь они решили предать славные останки земле. Их захоронили в лесу, неподалеку от города, который стал столицей народности фанти, захоронили и воздвигли над останками вождей священный идол. Да, это были великие люди! Вот почему даже после их кончины все фанти им поклоняются и всегда, когда приходит беда, спрашивают совета у идола. Ущелье в глухом лесу, то самое, где захоронили останки, стало называться Нананомпоу...

Фунн замолчал.

— И мы увидим могилы? — нарушила молчание Опокува.

— Нет, нет, что вы! — Фунн так испугался, что мигом потерял всю свою важность. — Никто не знает, где похоронены наши предки.

— Никто? Даже служители Нананомпоу?

Фунн задумался.

— Ну, они, может быть, знают... Но они хранят это в глубокой тайне, и никто ни разу не пытался в нее проникнуть. Ущелье — место захоронения — мрачно и таинственно, оно темно и внушает страх. Да вы сами увидите, все сами поймете...

Фунн так говорил о таинственной долине, голос его так дрожал, что даже здесь, на далеком от нее расстоянии, ребятам стало не по себе. И псу тоже. Может быть, они вздрогнули, или поежились, или просто ему передался их страх, только он вдруг жалобно взвизгнул и поджал хвост.

— Ну вот, отныне вы знаете историю Нананомпоу, — сказал Нана Оту и погрузился в раздумье.

Они шли теперь сквозь густой кустарник, лес остался позади. Справа и слева, сзади и спереди — повсюду зияли грозные следы засухи. Тут и там попадались засохшие, словно сжавшиеся заросли ананасов, плантации бананов представляли собой унылое зрелище — пересохшие стебли, скукожившиеся

листья, а то и совсем стебли без листьев. Трава почернела, обуглилась от зноя, красная сухая земля беззащитно лежала под солнцем. Хлопковые деревья¹ стояли голые и понурые и не могли дать отдохновения и прохлады усталым путникам.

Нана оглядел убогую равнину, скорбно покачал головой. Старейшины тяжело вздыхали. Они знали, что сейчас будет, и они не ошиблись. Подул ветер, и все увидели клубы красной пыли и сухие, мертвые листья, летящие в этой пыли. Мгновение — и ноги усталых паломников покрылись толстым ее слоем. Еще мгновение — пыль покрыла их руки и головы. Волосы людей уже не были черными, они стали бурыми — их перекрасила густая красная пыль. Она закрипела на зубах; запершило в горле; мучительно захотелось пить. А пыль все летела навстречу, а солнце жгло все сильнее и сильнее...

Но вот кустарник остался позади, люди подошли к огромному хлопковому дереву, стоявшему у самой тропы. Крик радости вырвался у ребят: зеленые листья покрывали дерево, вокруг дерева росли пышные зеленые кусты. Усталые путники расположились под щедрыми ветвями. Только Онокува даже не думала отдыхать. Она тут же принялась обследовать окрестности.

— Вода! — раздался ее ликующий вопль. — Смотрите, да тут целое озеро!..

И вправду — за деревом, в густой зеленой траве, притаилось лесное озерцо. Прохладная вода утолила жажду, люди напились и умылись.

— Уф, как вкусно! — отдуваясь, сказал Боафо и подпустил к озеру пса. Пес напился и, довольный, улегся в тени отдыхать.

— Это озеро мне знакомо, — сказал толкователь. — Его обнаружили давным-давно.

— А как оно называется? — тут же спросил Боафо.

¹ Хлопковое дерево (сэйба) — очень высокое дерево с поздреватым стволом; дает волокно, похожее на вату.

— Еку Асо¹.

— Еку Асо? — переспросила Опокува. — Какое смешное имя для озера!

— В самом деле смешное, — согласился Нана Оту. — Но оно названо так недаром: здесь тоже целая история...

Нана Оту полулежал в своем паланкине под сенью дерева: он отдыхал.

— Ой, расскажи нам! — тут же пристал к нему Агьяман.

И Нана Оту рассказал ребятам историю озера Еку Асо.

— Вам уже описали скитания нашего народа в поисках новых земель, — начал он. — Люди шли дальше и дальше к югу, и путь их лежал по раскаленной от солнца земле. Было жарко, невыносимо, невероятно жарко. Люди устали, их мучила жажда, а воды у них не было. Тогда они остановились на привал, разделились на группы и отправились искать воду. Они пошли на север и юг, на восток и запад, но воды не нашли нигде.

Во главе одной из групп шел юноша по имени Еку. А с ним — собака, большой черный пес, такой же, как ваш, ребята. Он-то, этот пес, и нашел воду. Он увидел скрытое в кустах озерцо, бросился к нему и залаял. Но Еку был человек осторожный. «Что это за озеро? Хороша ли в нем вода для питья?» — так думал Еку и не шел к воде. Но пса своего он не стал останавливать, и замученный жаждой пес напился из озера. И только потом, после верного своего пса, увидев, что с ним ничего не случилось, Еку испил воды. Он наклонился к озеру, сложил руки ковшиком и напился. И он понял, вот как Боафо, что вода в озере свежая и хорошая и что пить ее можно. Тогда он привел сюда своих людей, а потом весть о том, что Еку нашел озеро, разнеслась среди всех фанти. С тех пор озеро стало служить людям. А если кто-нибудь спрашивал, хороша ли вода для питья, ему отвечали: «Да это же Еку Асо!».

¹ А с о — означает «река». Озеро называется: «Река Еку».

Так и повелось.

— Ой, как интересно! — всплеснула руками Опокува. — Сколько у нас легенд!..

— Теперь вы видите, что название озера вовсе не такое смешное, — правоучительно заметил Нана Оту.

— Нет, нет, конечно, совсем не смешное, — смущенно оправдывалась Опокува.

Все как следует отдохнули и снова двинулись в путь. Солнце стало клониться к западу, но жара не спадала, и они шли так же медленно и устало, как прежде. Люди молчали, лишь иногда кто-нибудь ронял два-три ничего не значащих слова, чаще всего — что-нибудь о тропе, по которой они упорно продвигались вперед.

Спускались сумерки, когда вдали наконец показался Манкесим — цель их путешествия. Ребята заволновались, зашептались: сколько домов и хижин, какой большой город — гораздо больше Абуры. Люди невольно ускорили шаг, и тут до них донеслись грохот барабанов и звуки рога. Барабанщик из свиты Наны Оту тут же ударил в ответ в свой маленький, но звонкий барабан. Запел и рог, возвещая о прибытии вождя. Снова и снова долетал до паломников барабанный бой, и ему отвечал барабан из свиты Наны Оту. Барабаны переговаривались друг с другом и приветствовали друг друга, они радовались друг другу и говорили на понятном всем языке.

И вот на тропе показались жители Манкесима — они шли навстречу гостям.

Впереди приветственной процессии шагали горнисты и барабанщики, за ними — один из самых уважаемых старейшин города и толкователь вождя. Встречающие остановились на границе Манкесима — с того самого места, где они сейчас стояли, и начинался город.

Нану Оту остановился тоже. Толкователи обменялись приветствиями. Потом старейшина совершил торжественный ритуал возлияния богам и вместе с гостями медленно двинулся в Манкесим под звуки рога и барабанов.

...Нану Оту вместе со свитой поселили в самом центре города, в доме туфухина¹. Это был небольшой, но очень уютный, гостеприимный дом, и ребята быстро перезнакомились с его обитателями. Взрослые еще отдыхали после тяжелой дороги, а Боафо, Агьяман и Опокува уже носились по двору вместе со своими сверстниками.

Но Нана Оту отдыхал недолго: ему предстоял визит к вождю Манкесима. Вождь знал о его прибытии, и следовало поторопиться. Поэтому после ужина в сопровождении двух старейшин и толкователя Нана Оту нанес этот столь важный для всех визит. А ребята весь вечер просидели на веранде — слушали сказки про паучка Ананси². Удивительные это были истории, никогда бы они их не услышали, если бы не отправились в Манкесим. Опокува хохотала до слез, когда рассказывали, как храбрец Ананси отсудил корову у самого бога. Они сидели так до ночи, а потом хозяева, спохватившись, отправили ребят спать. Но прежде чем войти в комнату, Опокува остановилась и сказала друзьям:

— Ну, теперь я знаю, как мы назовем нашу собаку.

— Как? — с интересом спросили мальчишки.

— Мы назовем ее Мпóтсе! Мпотсе — мпотсе — экуáмба-на-фéo³, — торжественно провозгласила Опокува, и ребята с ней согласились.

Хорошо придумала Опокува! Теперь пес всегда будет напоминать им про Нану Оту с его белым ягненком.

¹ Т у ф у х и н — первый человек в племени после вождя.

² А н а н с и — паучок — герой сказок народностей Ганы.

³ Прелестный-прелестный, ну прямо ягненок!

3. ПАЛОМНИЧЕСТВО К НАНАНОМПОУ

торм ребят разбудил какой-то шум во дворе. Опокува проснулась, как всегда, первой и растолкала мальчишек.

— Пошли посмотрим, что там такое? — быстро заговорила она. — Скорее, скорей! — Она даже пританцовывала на месте от нетерпения.

Ребята наскоро оделись, вышли во двор и остановились как вкопанные: двор был полон людей. Пока они спали, пришли еще паломники. Пришли и привели с собой коз и овец — мальчишки быстренько пересчитали: десять коз и двадцать овец! Козы и овцы были привязаны посередине двора, шум стоял невообразимый. Двое слуг лежали, отдыхая, на земле, возле них стояло с десяток брусков соли¹; какие-то люди тащили корзину с бутылками рома. Глазам удивленных ребят предстали несколько молодых слуг из Абуры — они понуро сгрудились в углу двора, отдельно от всех остальных.

И на веранде тоже были люди Абуры — мужчины и женщины. Они сидели, смеясь и болтая, кто-то растянулся на прохладном деревянном полу и пытался уснуть — ведь они двинулись в путь задолго до рассвета и шли, не останавливаясь, торопясь

¹ С о л ь — традиционный предмет торговли в африканских странах; ценится очень дорого, практически заменяет собой деньги. Соль перевозят в виде брусков прямоугольной формы. От бруска откалывают небольшие куски и пользуются ими как разменной монетой.

нагнать Нану Оту. Да, но зачем привели они с собой слуг? Почему бедняги стоят в углу, почему они так печальны? Тревога охватила Опокуву. Она тронула за руку Агьямана.

| Спроси, а? — сказала она, и Агьяман тут же понял, о чем она говорит.

Он кивнул и нерешительно приблизился к вновь пришедшим. Кого бы спросить? Может, этого — пожилого человека с неподвижным лицом, на котором застыла важная мина? Похоже, что он не из простых.

— Скажите, пожалуйста, — сказал Агьяман, — зачем вы привели сюда слуг?

Человек медленно перевел взгляд на овец и коз, потом сонно взглянул на слуг и неохотно ответил:

Плата. Плата за совет великого идола...

✓ Как это — «плата»? — прошептала Опокува.

Она уже стояла рядом с Агьяманом, глаза ее расширились от изумления и страха.

| А так, — нахмурился толстяк. — Что ж по-вашему — идти к Нананому¹ с пустыми руками? Нет, мы ведем с собой коз и овец, отдаем идолу наших слуг, преподносим ему соль и бутылки с ромом. Таков обычай. Мы все отдадим Нананому, а он скажет, что нам делать, как избавить Абуру от великой беды...

— Значит, слуг отдадите тоже? — тихо сказала Опокува и подавленно замолчала.

Как это — отдать людей, живых людей, так же вот, как овец или коз? Ужасно!..

Однажды в ее родной деревне мать взяла ее на церемонию жертвоприношения. Целую неделю потом Опокуву мучили ночные кошмары. Но ведь мать тогда принесла в жертву всего лишь курицу...

| А что с ними будет, с этими людьми? — спросила она.

| Они будут служить идолу, — был ответ.

¹ Н а н а н о м — множественное число от «нана» (предок). Здесь говорится об идоле, якобы представляющем собой души трех великих предков народности фанти.

— Вот, значит, как... — вздохнула Опокува.

Она чуть-чуть успокоилась: она так боялась, что их принесут в жертву, убьют — как приносят в жертву животных... Она ведь слышала про человеческие жертвоприношения, их совершали, когда хоронили вождей, или их жен, или сыновей. Как это страшно — убивать живых ради мертвых! Почему? Спрашивать об этом не полагалось, так было всегда, но все равно — это ужасно!

— Пошли-ка, — дернул ее за руку Боафо. — Не собираешься же ты торчать здесь весь день? Если хочешь идти вместе с Наной Оту к Нананомпоу, конечно...

Ребята покинули двор с его шумом и суетой, с криками слуг и блеянием коз и вернулись в дом, чтобы позавтракать и переодеться. Через полчаса они уже выходили во двор, одетые в лучшие свои платья. Они подошли к тем, кто ожидал выхода Наны Оту, и встали рядом, серьезные и молчаливые. Люди, пригнавшие коз и овец, уже отдохнули — короткий сон восстановил их силы. Они отдохнули и тоже ждали теперь Нану Оту, держа в руках веревки, к которым по двое, по трое сразу были привязаны козы и овцы.

Нана Оту появился перед народом, когда солнце уже позолотило крыши домов. Нарядное одеяние окутывало его статную фигуру. За ним, как всегда, шли толкователь и четверо старейшин. Верховного жреца почему-то не было. Ребята переглянулись: как же без жреца-то? Разве можно идти без него к идолу? Опокува набралась смелости и спросила вождя.

— Он ушел в лес еще до рассвета, — спокойно ответил Нана Оту. — Он ищет травы для своих целебных снадобий... Не волнуйтесь, с ним все в порядке.

Вождь улыбнулся, погладил белого ягненка, стоявшего с ним рядом: должно быть, ягненок решил сопровождать своего хозяина к самому Нананомпоу.

Святылище находилось недалеко от города, и Нана Оту решил отправиться в путь пешком, не в паланкине. По правде говоря, дело было даже не в расстоянии, дело было в другом:

не мог же он явиться к духам предков гордо восседающим в паланкине? Потому же Нана Оту не украсил свои запястья, как обычно, золотыми браслетами, а пальцы — кольцами. Он снял с себя все драгоценности и шел к идолу смиренным и строгим, и такие же строгие и смиренные шли за ним старейшины.

Жаркое солнце стояло в небе. Оно обещало новый, столь же жаркий день. И потому зонт заранее был раскрыт над бритой головой вождя. Процессия двинулась в путь. Ребята снова шли рядом с Наной Оту, а собака бежала за ними. Имя — то, что придумала для нее Опокува, — было слишком уж длинным, и Боафо предложил звать собаку просто Мпотсе. Все согласились, включая самого Мпотсе, который, казалось, был в полном восторге от своего звучного прозвища. Мальчишки без конца его теперь окликали, и всякий раз, услышав имя «Мпотсе», пес начинал прыгать и лаять и вилять черным хвостом. И чем дальше продвигались они в лес, тем веселее становился Мпотсе; он отбегал от ребят, скрывался в лесу, а потом выныривал откуда-то с другой стороны, прямо под ноги хозяевам; он весело «пугал» процессию и вообще резвился вовсю. А как же? Ведь никто больше не держал его на поводке, он был свободен и мог пошиться сколько угодно, и это ему очень нравилось.

Но вот процессия вышла из города и влилась в густую толпу паломников. Люди шли к идолу из Манкесима, из соседних деревень, были здесь и местные и те, кто пришли издалека. Все шли молить о помощи далеких предков, у всех последней надеждой был идол. Однако Нана Оту недаром взял с собой барабанщиков: барабанная дробь, резкие звуки рога заставляли людей сторониться. «Дорогу вождю Абуры и его свите!» — выбивал дробь барабан. «Дорогу вождю Нане Оту», — пел рог. Люди расступались, образовывался узкий проход, и по этому проходу шел вождь Абуры и его свита.

Они шли и шли и видели, что наделала засуха. Куда девались кроны масличных пальм?¹ Пальмы — кормилицы края

¹ Масличная пальма дает жителям Ганы орех (похожий по вкусу на урюк), из ядра которого выжимают пальмовое масло, а из пальмового сока делают вино.

стояли сухие и страшные, с мертвыми от зноя стволами; хлопковые деревья поднимали к ослепительно синему небу голые ветви. Тропа вилась между выжженных солнцем полей и уходила в лес. Она была вытоптана и утрамбована бесчисленным множеством людей, шедших к идолу с мольбой о помощи и уходящих от него с надеждой в сердце. Желтая пыль висела над этой тропой, стояла столбом в неподвижном воздухе.

Наконец Нана Оту и его свита вошли в глухое ущелье. Деревья стояли здесь плотной стеной, густой шатер листьев закрывал небо. Темно и угрюмо было в ущелье. Там, наверху, всюю палило жгучее солнце, но его лучи с трудом пробивались сквозь мрак священных деревьев. Где-то здесь, рядом, скрытый за могучими этими деревьями, был спрятан идол. Ребята переглянулись, Опокува поежилась: как здесь неприятно, нет, не страшно, конечно, но неприятно, неудобно, непривычно как-то. Все трое чувствовали необъяснимое присутствие чего-то тревожного, и чем ближе приближались они к священному месту, тем ощутимее становилась тревога. Вот святилище уже совсем близко. Процессия невольно замедлила шаг, и в тот же миг откуда-то снизу, словно из-под земли, появились два человека. Казалось, они выбрались из какой-то пещеры, наверное, там, в пещере, и был знаменитый идол. Двое медленно шли навстречу процессии. Кто-то, похоже, предупредил их.

— Посмотрите, какие они страшные, — попятился Боафо.

— Да тише ты, глупый, — одернул его Агьяман. — Еще услышат... Кто знает, что тогда с нами случится?

Мпотсе откликнулся на появление жрецов хриплым яростным лаем. Он бросился на них так стремительно, что если бы Боафо не держал его за веревку, непременно искусал бы служителей Нананомпоу. Пес рвался с веревки, хрипел от злобы, и тогда Боафо схватил его поперек живота и, несмотря на отчаянное сопротивление, поднял высоко в воздух. Ну, теперь им обоим влетит от Наны Оту! Боафо держал пса и чувствовал, как бешено колотится сердце Мпотсе, как он, теперь уже молча, вырывается из хозяйских рук. Пришлось прижать пса к себе и

приласкать и погладить по теплой спине. А Опокува как уставилась на жрецов, так и стояла, словно зачарованная, не сводя с них глаз. Да-а-а... тут было на что посмотреть.

Длинные, пропыленные космы падали жрецам на плечи, на шеях висели бусы из огромных черных и белых бусин. Бусы свисали чуть ли не до живота, на бедрах болтались какие-то бурые тряпки. Глаза жрецов были обведены белым, белые таинственные знаки и полосы красовались на щеках и шее, на плечах и руках. Они, эти служители, были действительно страшноваты, недаром попятился от них Боафо. Тот, что постарше, держал в руке жезл — символ власти, в другой руке он зажал длинную тонкую жердь. Острые жерди было вымазано яичным желтком, на желтке прилипли куски скорлупы.

— Стойте, — сурово сказал жрец и стукнул оземь своим жезлом. — Зачем явились сюда? Отвечайте!

— Мы пришли к Нананомпоу за его мудрым советом, — вышел вперед толкователь вождя Опанун Фунн.

Выпрямившись, с достоинством, стоял он впереди всей процессии и тоже держал в руке жезл — символ власти. Верх жезла украшал золотой попугай.

— Принесли ли вы, как положено, подношения? — спросил жрец и, получив утвердительный ответ, полный почтения, продолжал: — Тогда передайте эти подношения ему, — и он указал на жреца, стоявшего чуть сзади.

Опанун Фунн тут же дал знак одному из старейшин, а тот махнул рукой слугам. Слуги подвели к младшему жрецу коз и овец, подали с поклоном соль и бутылки с ромом. Десятеро молодых слуг, опустив головы, тоже подошли к жрецам: их приносили в жертву идолу. Жрец кивнул, потом повернулся и пошел по узкой тропе. И новые слуги идола покорно пошли вслед за ним, уводя с собой скот и унося подношения. Скоро все они исчезли в ущелье.

«Куда их ведут? Что ждет бедняг в этом страшном лесу?» — думала Опокува, но спросить не смела, потому что вокруг воцарилось молчание. Тишина нависла над мрачной поляной.

Старший жрец проводил глазами слуг, и когда последний скрылся из виду, заговорил снова.

— Ну, Нана Оту,— сказал он и протянул жезл в сторону вождя,— подойди сюда. Один...— добавил он сурово, видя, что старейшины двинулись за своим вождем.

Нана Оту снял сандалии и приблизился к жрецу. Откуда-то из складок своего одеяния жрец вытащил кусок красноватой материи, такой же, в какую был завернут сам. Он сложил материю вдвое и еще вдвое, и толстая повязка легла вождю на глаза. Жрец туго завязал повязку на затылке у Наны Оту.

— Что это он делает? — шепнула Опокува старейшине.

— Так принято,— ответил тот, тоже шепотом.

— Но почему? — не отставала Опокува.

— Не знаю... Никто не знает,— качнул головой старейшина.

Опокува вздохнула: разве это ответ? А еще старейшина!.. Никто не может объяснить толком. Что значит «принято»? Кем принято и для чего? Опокува хмуро перевела взгляд на жреца. Потом снова окинула быстрым взором старейшин. Все они стояли недвижно, как неживые. Казалось, неведомый страх сковал их, всех до единого. Молча наблюдали они за тем, как жрец взял вождя за руку и повел его, словно слепого, в глубь ущелья.

Скоро деревья скрыли их обоих, и тут белый ягненок, тихо стоявший до сих пор рядом с Боафо, бросился за хозяином. Он рванулся вперед так внезапно, что никто и глазом моргнуть не успел. Как мячик прыгнул он на тропу и исчез вслед за Наной Оту. Старейшины встревоженно переглянулись: как это не успели они его задержать? Как бы не разгневать жрецов... А Боафо уставился на своего пса: что-то странное творилось и с Мпотсе.

Пес пристально смотрел на тропу, туда, где скрылся Нана Оту, а за ним — ягненок. Уши у него встали торчком, хвост настороженно замер, нос беспокойно двигался, словно Мпотсе чуял что-то тревожное в воздухе. Боафо успокаивающе похлопал его по спине, провел рукой между ушами: надо было удер-

жать его, — того и гляди, бросится вслед за ягненком...

И вдруг... да, это случилось вдруг, внезапно, без единого дуновения ветерка — деревья зашатались и закрипели, листья зашелестели, словно принялись шептаться о чем-то, а ветви стали как-то странно изгибаться в разные стороны. И никакого движения воздуха... Но вот шум листьев и треск ветвей перешел в нарастающий гул. Казалось, где-то вдали, скрытые от глаз, ломаются и падают наземь деревья. Потом из ложбины, из густой чащи, оттуда, где был спрятан идол, послышались звуки, от которых застыли в страхе старейшины. На что были похожи они, эти вопли и стоны и хриплые завывания? На вой диких зверей и крики людей, на вопли ужаса и боли, на плач и стенания. И вой и крики эти неслись отовсюду — падали с неба и вырывались из-под земли, раздавались со всех сторон, окружая людей плотным кольцом.

Люди стояли, застыв на месте, содрогаясь в трепете, не смея пошевелинуться, не смея взглянуть друг на друга. Они словно вросли в землю; то, что происходило сейчас где-то там, в глубине, в темноте леса, приковало их к месту.

— На колени! — раздался вдруг громовой голос. — На колени и — всем закрыть лица!

Голос падал прямо с небес, нагоняя страх на перепуганных людей. Все разом рухнули на колени, спрятали лица в свои фугу, как велел грозный голос. Боафо, Агьяман, Опокува рухнули на колени тоже и тоже спрятали лица в складках одежд. Даже Мпотсе, повизгивая, прижался к земле, поближе к ногам Боафо. Ужас витал в воздухе...

Никто не смог сказать впоследствии, как долго длился дикий, душераздирающий вопль, в котором смешалось все — рев, крики, треск ломающихся деревьев. Все потом говорили разное. Сходились в одном — это было невыносимо, а потому длилось, казалось, вечность. И вдруг, так же внезапно, как начались, вопли и крики кончились. Наступила оглушающая тишина. Стало тихо-тихо, будто ничего и не было. Люди поднимались с колен, и только Опокува никак не могла встать.

Она дрожала, как травинка на ветру, и смотрела прямо перед собой широко раскрытыми, испуганными глазами. Пришлось Боафо поднять ее и поддержать сильными своими руками, пока она не пришла в себя. Люди стояли неподвижно, не смея произнести ни слова.

— Что это?.. Что это было? — решился наконец прошептать Агьяман.

— Не знаю, — испуганно взглянул на него Боафо.

— Может быть, это был сам Нананом. Должно быть, именно он пронесся сейчас мимо нас... — негромко сказал стоящий рядом старик.

— Как пронесся? — Обычное любопытство уже проснулось в Опокуве, отогнало страх.

— Наверное, вышел из своего убежища, — не очень уверенно объяснил старик.

Видно было, что он и сам не знает, что же на самом деле произошло. Да и никто не знал этого...

Но вот послышался легкий шорох, поступь шагов. Кусты раздвинулись, и на поляне появился один из служителей. Он вел за собой Нану Оту с завязанными по-прежнему глазами. Вождя подвели к толкователю и только тогда сняли с его глаз повязку.

Нана Оту протер глаза, поморгал, устало и потрясенно обвел взглядом своих недавних спутников, будто просыпаясь от тяжелого сна. Чувствовалось, что путешествие в глубь ущелья оказалось не из легких. Однако Нана Оту молчал, и никто не посмел его ни о чем спрашивать.

— Теперь можете вернуться домой, — бесстрастно сказал жрец. — Нананом открыл вашему вождю все, что он мог открыть. Идите... Отныне будьте спокойны...

Так сказал жрец. А потом повернулся и медленно и важно пошел по узкой тропе назад, в ущелье...

Крик надежды и радости взорвал тишину. Люди смеялись, возбужденно переговаривались, старейшины окружили Нану Оту. Двое из них поддерживали его под руки, один принес

вождю сандалии и обул его — ведь Нана Оту ходил в святилище босым. Потом медленно и устало все двинулись в обратный путь. Солнце стояло уже высоко в небе, лучи его нещадно жгли все вокруг — следовало торопиться.

Они шли и шли, а пыль клубами поднималась от их ног, и жара была нестерпимой. Но ребята шагали под сенью огромного зонта, им не было слишком жарко. И не жара мучила сейчас Опокуву, ее терзала тревога. Кого-то не хватало в процессии, но кого? Она не могла терзаться одна и обратилась к Агьяману.

— Тебе не кажется, что нас стало меньше? — спросила она.

Агьяман ответил не сразу. Он внимательно оглядел путников — одного за другим — и отрицательно покачал головой.

— Да нет, вроде бы все на месте, — ответил он наконец.

— Тех слуг, что отдали идолу, нет, это точно, — быстро добавил Боафо.

Он не удосужился даже взглянуть на процессию.

— Да нет, я не о них, — досадливо поморщилась Опокува. — Кто-то еще пропал...

— Ты имеешь в виду овец и баранов, да? — хмыкнул Боафо.

Но шутка его имела неожиданные последствия. Опокува, вскрикнула, хлопнула в ладоши:

— Вот оно... вспомнила!

— Что же? — насторожился Агьяман.

— Белый ягненок! Нет белого ягненка, вот что!..

Все трое обеспокоенно огляделись. В самом деле, куда он пропал? Неужели его принесли в жертву неведомому страшному идолу? Разве Нана Оту забыл, что белый ягненок — его любимец? Или ягненок просто-напросто заблудился? Опокува нерешительно подняла глаза на вождя, но спросить не посмела. «Ничего, я еще спрошу, — подбодрила она себя. — А может, ягненок найдется...»

Но вот показались первые дома Манкесима. Вождь был уже прежним вождем — следы пережитого недавнего волнения исчезли с его лица. Он спокойно беседовал со старейшиной, и взгляд его был уверенным и твердым, как прежде.

«Пора, надо спросить», — твердила себе Опокува, но все оттягивала и оттягивала решающий момент. Что же все-таки случилось в таинственном темном ущелье? Она хочет знать! Вот только имеет ли она право задать такой вопрос вождю? Конечно, Нана Оту не рассердится, она в этом уверена, но спрашивать вождя не положено. Думать было некогда, колебаться — тоже: процессия уже входила во двор. И Опокува решилась.

— Нана, — сказала она, — а где же белый ягненок?

— Его забрали служители идола, — глядя в сторону, ответил вождь.

— Зачем? — ахнула Опокува.

— Они сказали, что его пожелал взять Нананом, — все так же глядя мимо Опокувы, объяснил Нана Оту.

— И ты его отдал?! — Опокува расширенными от ужаса глазами уставилась на вождя. Тот нахмурился.

— А что я мог сделать? — пробормотал он и опустил голову.

Опокува помолчала, потом задала последний, очень важный для нее вопрос:

— И где он теперь?

— Ну, где... — тихо ответил Нана Оту. — Служитель увел его куда-то, а потом вернулся и сказал, что ягненок вознесся на небо...

— На небо! — ребята даже рты разинули от изумления. Они недоверчиво переглянулись — трудно поверить в такое чудо...

4. БЕЛЫЙ ЯГНЕНОК НАНЫ ОТУ

ебята пообедали, отдохнули, а потом Агьяман сказал, что хорошо бы как следует осмотреть Манкесим. Опокува с Боафо обрадовались: как это им раньше не пришло в голову? Совсем обалдели с этим страшным Нананомпоу!

Все трое быстро собрались и отправились в город, и Мпотсе, конечно, с ними. Больше часа бродили они по улицам старого города, но ничего особенного не увидели и вернулись усталые и пропыленные, торопясь укрыться в прохладных комнатах дома. Но войти в дом им не пришлось: их новые друзья-сверстники шумели во дворе, и как же можно было пройти мимо? Девчонки играли в салочки-наступалочки, трое на трое — старались осалить друг друга, наступив сопернице на ногу, а мальчишки — в любимую свою игру — оваре¹. Путешественники слишком устали, чтоб самим бегать и прыгать, но посмотреть, как играют другие, очень хотелось.

Агьяман с Опокувой сели в тени, в углу двора, привалившись к прохладной стене, а Боафо растянулся на циновке, вниз животом, и у ног его улегся такой же усталый и разморенный жарой Мпотсе. Пес лежал, положив на передние лапы голову, и часто-часто дышал, высунув красный влажный язык. В даль-

¹ О в а р е — популярная игра в Гане. Игроки садятся друг против друга и перекладывают в определенном порядке шарики из одной лунки в другую.

нем углу двора, под навесом из бамбука, укрылась от солнца овца с тремя ягнятами. Она пощипывала листья платана и изредка блеяла. Мир и тишина царили вокруг.

Так они сидели и отдыхали, и вдруг неугомонная Опокува подтолкнула Агьямана локтем:

— Скажи, ты видел Нану Оту, когда он входил во двор? Заметил, какое у него было лицо?

— Нет, а что? — насторожился Агьяман. — Почему ты спрашиваешь?

— Он тогда еще отослал от себя старейшин, помнишь?

Агьяман неуверенно кивнул.

— Да-да, он их отослал от себя, — продолжала Опокува, — и сразу стал тихим, таким... Ну да, печальным... несчастным... И оставался печальным уже все время. Даже когда обедал, а ведь ему подали фуфу и его любимый суп из мяса и земляных орехов.

— Правда? — Агьяман с любопытством взглянул на Опокуву. — А я не заметил.

— А вот я заметила, — твердо сказала Опокува. — Он был очень-очень печальным. И после обеда был печальным тоже — встал, никому не сказал ни слова и молча ушел к себе.

— Может, он заболел?.. — пожал плечами Агьяман.

— А может, увидел что-то страшное — там, в ущелье? — добавил Боафо.

— Нет, тут что-то другое, — стояла на своем Опокува.

— Почему обязательно другое! — вспыхнул Агьяман. — Верно говорит Боафо: Нана Оту расстроился там, у Нананомпоу...

— А чего ему было расстраиваться? — не сдавалась Опокува. — Или вы не слышали, что сказал жрец? Он сказал, что все будет хорошо, что Нананом обещал помочь племени. А Нана Оту, значит, выслушал все это и, нате вам, — расстроился!

— Ну, тогда говори, отчего, по-твоему, он печален? — нетерпеливо спросил Боафо. — Говори! Ты, как видно, знаешь.

Боафо всегда немного завидовал своей сестре: ужасно быстро, прямо на лету все схватывает. Вот бы ему так! А то он пока

раскачивается, пока сообразит... Ну вот и пусть говорит! Они так устали, так вымотались в этом городе, а она играет в прятки, задает какие-то дурацкие вопросы. Нет у него настроения с ней беседовать! Ему хочется отдохнуть! Но прежде чем Опокува успела открыть рот, ее опередил Агьяман.

— А может, это все из-за ягненка? — сказал он, и Опокува сразу же закивала.

— Вот-вот, и я так думаю, — горячо подхватила она.

Боафо рывком повернулся к стене: он обиделся.

— Что ж сразу-то не сказала? — проворчал он. — И она, видите ли, так думает...

— А я хотела узнать, не думаете ли вы так, как я, — спокойно пояснила Опокува. — Представляете, как это было? Жрец вдруг потребовал у Наны Оту ягненка, и вождю пришлось отдать. Ужасно! Нет, это ужасно! Вы же знаете, как Нана любил его...

— Но ягненка захотели получить духи предков, — возразил Боафо. — Как же было послушаться?

— Глупости! — Опокува так и взвилась. — Неужели ты веришь, что ягненок вознесся на небеса, как сказал жрец? Скорее уж его предали земле: ведь наших предков похоронили там, в священной роще. Их духи не обитают на небесах...

Ни Агьяман, ни Боафо ничего не посмели сказать в ответ на эти дерзкие речи, ни тот, ни другой не произнесли ни слова. Агьяман сидел в глубокой задумчивости: смелые слова Опокувы поразили его, похоже, что он склонен был ей верить. А Боафо в ужасе закрыл глаза и притворился спящим: как можно говорить так о духах предков? Они услышат и покарают. Лучше уж сделать вид, что спишь. Так он решил — так и сделал. И Мпот-се, верный пес, тут же притворился спящим тоже.

Отворилась дверь, во двор медленно вышел Нана Оту. На звук скрипнувшей двери разом обернулись Агьяман и Опокува. Они видели, как вождь остановился на веранде, поднял голову, взглянул на заходящее солнце — последние лучи посылало оно на землю. Да, Нана Оту был очень печален, теперь и Агьяман

видел это. Медленно, устало пошел вождь к бамбуковому навесу, туда, где лежала овца с ягнятами. Нана Оту подошел к овце, наклонился, взял одного из ягнят и нежно прижал к себе. Ягненок был белый-белый, с черным пятном на голове.

— Смотрите, — шепнул Агьяман друзьям, — это он тоскует о своем любимом ягненке.

— Еще бы... — жалостливо вздохнула Опокува.

Боафо открыл наконец глаза, выпрямился, прислонился к стене.

— Ну и что же вы предлагаете, а, мудрецы? Ну скажите! — потребовал он.

— Ты действительно хочешь знать? — ехидно поинтересовалась Опокува.

— Представь себе! — не остался в долгу Боафо.

— Так вот, мы должны найти ягненка, — твердо сказала Опокува. — Да, да, должны! Надо отыскать его и вернуть вождю.

— Ты разве не веришь тому, что сказал жрец? — уставился на сестру Боафо.

— Нет! — резко ответила она; похоже было, что сестрица нарывалась на ссору. И вдруг она о чем-то вспомнила. — Слушайте, — черные ее глаза загорелись, — а где наш верховный жрец? Где Окомфо Квеку Ампеа? Что-то его не видно; как приехали мы сюда, так он и пропал.

Ребята переглянулись, пожали плечами.

— Не знаю... — пробубнил Агьяман. — Вообще-то он должен был идти вместе с нами: он ведь жрец. — И вдруг Агьяман вспомнил: — Да ведь он пошел за целебными травами!

— Ну как же! — фыркнула Опокува. — Травы, конечно, важнее, чем засуха... Нет, странно все это: и то, что пропал Окомфо Ампеа, и что вождю завязали глаза, и что зачем-то понадобился им ягненок. — Опокува нахмурилась. Обычно беззаботное ее лицо было омрачено тревогой.

— Ну если ты веришь, что ягненок жив, то мы, наверное, можем его поискать, — не очень решительно поддержал сестру Боафо.

— Конечно! — подхватил сразу повеселевший Агьяман. — А вдруг мы и в самом деле вернем его Нане Оту? Вот рад-то он будет!

— Ага! — Опокува так и засияла. — И получится, что мы отблагодарим вождя за гостеприимство, верно?

— Ну все, хватит болтать, — решительно встал Боафо. — Давайте решать, что делать!

В мечтах своих он уже шагал по дремучему лесу навстречу удивительным приключениям.

Остаток вечера они возбужденно шептались, строя и отвергая смелые планы. Потом дали друг другу клятву, что ни один из них никогда никому ничего не расскажет.

Все трое торжественно поклялись и так боялись случайно проговориться, что до ужина бродили по дому, словно немые, изредка многозначительно переглядываясь, но не раскрывая рта. «Лучше уж совсем молчать, чем подвести друга», — говорили их замкнутые, суровые лица, хотя окружающим, откровенно говоря, не было до них никакого дела.

После ужина они примкнули к своим новым приятелям, собравшимся у костра, чтобы снова послушать сказки о хитром Ананси. Только на этот раз друзья мало что слышали, погруженные в свои мысли. Так и просидели рассеянно и молча у потрескивающего огня, пока не пришла пора идти спать.

Они поднялись, нарочито громко зевая, и пошли в дом. И вдруг Боафо остановился.

— Ну, что еще? — настороженно спросила Опокува, понизив голос почти до шепота.

— Слушай, — тоже полупшепотом сказал Боафо, — а ты помнишь песню?

— Какую еще песню? — удивилась Опокува.

— Да ту, что пела черепаха, наигрывая на гитаре, — вмешался Агьяман. — Ну, только что нам рассказывали.

И он запел насмешливо:

Не будил бы ты лиха,
Пока лихо спит...¹

Все ясно: Боафо струсил! Опокува в ярости повернулась к своему трусливому братцу.

— Слушай-ка, никто не заставляет тебя идти с нами, — гневно сказала она. — Страшно тебе, так сиди дома, с девчонками, ясно?

Она повернулась и отправилась спать. И Агьяман тоже прошел мимо Боафо, словно его тут и не было. А Боафо остался один, пристыженный и удрученный. Он постоял немного, вздохнул и двинулся вслед за Агьяманом. «Сиди дома...» Да разве может он без друзей? Нет, он не может, он, конечно, пойдет вместе с ними...

Так думал Боафо, ворочаясь на своей циновке, не в силах заснуть. Он лежал, стараясь не шевелиться, глядя в темноту широко раскрытыми глазами. Он знал: ребята не спят тоже, прислушиваются к его дыханию. Что они думают о нем, Агьяман и Опокува? Думают, что он трус? Думают, что предатель? Так нет же, нет! Боафо рывком сел на циновке и крикнул, яростно, с отчаянием, не в силах выносить больше молчаливого их презрения.

— Эй вы, оба! Завтра я сам поведу вас, я, слышите? Так и знайте!

¹ Речь идет об известной сказке. Как-то охотник нашел в лесу черепаху, которая играла на гитаре и пела. Но когда он принес ее в деревню, к вождю, похваляясь диковинкой, черепаха не издала ни звука. Охотника обвинили во лжи и убили. Тут-то черепаха и спела песенку, которую напомнил друзьям Агьяман. Было это в пятницу, и с тех пор в Гане в этот день на охоту не ходят.

5. В ПОИСКАХ БЕЛОГО ЯГНЕНКА

редраcсветное небо было покрыто тучами, от горизонта до горизонта — сплошная пелена тяжелых, полных непролившегося дождя темных туч. Они плыли так низко, что казалось, вот-вот заденут за высокие кроны деревьев, вот-вот хлынет долгожданный дождь. Зарождался новый день — один из трех, когда можно просить помощи у святыни Нананомпоу. Этот второй день совпал с днем большого базара, и хотя сейчас, на рассвете, небо грозно хмурилось, крестьяне и их жены с сонными ребятишками за спиной¹ шли по лесным тропам к большой базарной площади. Многие добирались из далеких деревень, но чем ближе подходили они к площади, тем чаще обгоняли их торопливые и принарядившиеся жители Манкесима. Они тоже стремились попасть на базар, только не для того, чтобы продавать, а чтобы купить что-нибудь из продуктов.

— Может, все-таки пойдет дождь, — с надеждой сказал Агьяман, взглянув на темное небо.

— Что? — переспросил Боафо. Он как раз склонился над тазом и плескался и фыркал от удовольствия, наслаждаясь прохладной водой, освежавшей его лицо.

— Я говорю, может, наконец будет дождь, погляди-ка! — И Агьяман еще раз взглянул на небо.

— Ты будешь разочарован, — хмыкнул Боафо.

¹ Во многих странах Азии и Африки маленьких детей носят за спиной.

— Почему это? — не понял Агьяман.

— Ты что, в первый раз видишь хмурое небо? — пробурчал Боафо и принялся полоскать рот. Он набирал полный рот воды, потом с шумом выпускал ее сквозь стиснутые зубы в медный таз и набирал снова, опорожняя высокий кувшин с узким горлом.

— Нет, конечно, — пожал плечами Агьяман. — Но ведь если пойдет дождь, мы не сможем искать ягненка?

Ах, если бы и в самом деле хлынул вдруг дождь, каким это было бы счастьем!

— А если и пойдет дождь, что тогда? — спросил Боафо, улыбаясь. — Отправимся завтра, и все.

— Но завтра может быть поздно! — сообразил вдруг Агьяман.

— Почему? — спокойно поинтересовался Боафо, вытирая лицо краем фугу.

— Да ведь мы же идем назад, в Абуру. Именно завтра! Мне сказала одна из служанок.

— Ах, вот как...

Пораженный этой новостью, Боафо застыл на месте: времени оставалось так мало!

— Ну тогда — в путь! — тихо, но твердо сказал он. — Дождь не дождь — придется идти сейчас же.

Ребята бросились искать Опокуву и сразу же на нее наткнулись. Она стояла в кухне, скрестив руки и задумчиво глядя на раскаленные угли. Она грелась, вбирая в себя тепло всех трех кучек углей, тлевших в выдолбленных бревнах. Опокува стояла в центре образуемого этими бревнами треугольника.

Язычки пламени лизали тело большого черного котелка, а в котелке варились какие-то зеленые стебли. Огонь создавал уют, было тепло и мирно, и ребята встали рядом с Опокувой и завороченно уставились на огонь.

— Так когда ж мы идем? — негромко спросила Опокува, не отрывая глаз от углей.

— Вот поедим и пойдем, — спокойно ответил Боафо.

— А Нана Оту? — продолжала Опокува. — Как улизнуть от него?

— Ну, это просто... — протянул Агьяман. — Ведь сегодня базар. Мы тихо-тихо исчезнем, и он решит, что мы отправились на базар, вот и все.

— А ты не думаешь, что стоило бы ему сказать?.. — решительно предложил Боафо.

— Ну нет, ни за что! — решительно возразила Опокува. Она оторвала наконец замороженный взгляд от огня и посмотрела на Боафо.

Боафо хотел что-то сказать, но тут с радостным визгом в кухню ворвался Мпотсе. Он проспал уход хозяев, он их искал, нашел — и теперь не помнил себя от счастья. Глядя преданными глазами на Боафо, он подпрыгнул, лизнул хозяина в руку и довольный улегся у его ног.

— Ты что, возьмешь с собой Мпотсе? — удивилась Опокува.

— Конечно! — гордо заявил Боафо. — Он знаешь как пригодится!

— Думаешь, может привести нас к ягненку? — загорелся Агьяман.

— А как же! — откликнулся Боафо. — Собаки, они ведь страшно умные звери!

Опокува хмыкнула, хотела что-то сказать, но чьи-то легкие шаги остановили ее. Кто-то направлялся к кухне. Ребята отпрянули в темный угол и замерли, с трудом переводя дыхание от волнения. В кухню вошла служанка. Она подошла к котелку, приподняла крышку, прихватив ее подолом своего платья. Потом подумала и вдруг ткнула пальцем прямо в зеленые стебли и тут же ойкнула, сунув обожженный палец в рот. Ребята прыснули со смеху: ну и ну, вот чудачка!

— Так... — Служанка вынула палец изо рта, оглядела его со всех сторон, покачала головой и важно решила: — Еще не сварилось...

Она закрыла крышку, помешала длинной палкой угли и по-

шла к выходу. Ярко вспыхнул огонь. Сразу стало светлее.

Ребята оставались в кухне до самого завтрака. За завтраком их как следует накормили, а они в свою очередь не забыли про Мпотсе. Каждый бросал ему кусочки: он ведь тоже отправлялся в неблизкий путь.

Когда они вышли во двор, было уже совсем светло. Тучи рассеялись, голубое небо расстиралось над головой. Кучевые облака уходили за горизонт, их пересекали легкие красные линии — верный признак того, что сегодня снова дождя не будет.

Ребята уселись на веранде и принялись наблюдать за снующими взад-вперед людьми. Люди входили и выходили, озабоченно переговаривались, о чем-то друг с другом советовались: многие снова собирались в путь — к идолу, к Нананомпоу. Небо светлело с каждой минутой, облака у горизонта исчезли, выкатилось румяное, словно спелое манго, солнце. Пора было трогаться в путь.

Боафо свистнул, и, виляя хвостом, к ребятам подбежал преданный Мпотсе. Хозяин поставил его на задние лапы, прижал к себе, повязал ему вокруг шеи веревку. Потом сурово скомандовал: «Вперед!» — Боафо твердо решил возглавить рискованную экспедицию.

Что ж, приятели не возражали. Они переглянулись и отправились вслед за Боафо. Вся троица благополучно пересекла двор, подошла к воротам. У ограды Агьяман заметил поржавевший и затупившийся длинный нож — мачёте. Кто-то бросил его, а может быть, положил да так и забыл. Нож был вполне пригоден для дела, он еще мог послужить в умелых руках.

— Он нам понадобится, — решил Агьяман и прихватил нож с собой.

Скоро ребята уже подходили к лесу. Их путь лежал к тому самому ущелью, где вчера Нана Оту оставил своего ягненка.

Дорога вела все дальше и дальше в лес. Дождь так и не пролился на потрескавшуюся от зноя землю, сухая пыль щекотала ноги. Ребята шли быстро, обгоняя редких пока палом-

ников, почти не разговаривая друг с другом. Впереди шагал Боафо с Мпотсе на поводке, за ним — Опокува, замыкал шествие Агьяман с мачете в руке. Каждый думал о том, что ждет их впереди, какие неожиданности, а может быть, и опасности готовит сегодняшний день, какие их ждут испытания. Что испытания будут, в этом не сомневался никто. Все трое к ним были готовы, даже Боафо уже не боялся.

Ребята свернули с протоптанной людьми дороги на узкую извилистую тропу. Солнце стояло высоко в небе, обещая такой же жаркий день, что и вчера. Последнее облачко растаяло у горизонта. Они шли и шли, не останавливаясь и не отдыхая.

Потом кончилась и эта узкая тропка. Таинственный лес Нананом ждал путешественников. Деревья стояли здесь плотными рядами, вершины их четко вырисовывались в чистом, прозрачном небе. Сколько лет было этим мощным стволам, этим разлапистым длинным веткам? Должно быть, немало. Ветви гнулись под тяжестью плотных широких листьев, лианы обнимали стволы своими цепкими стеблями. Казалось невозможным пройти сквозь этот грозный лес: ни тропки, ни просвета вдаль... Лес пугал и притягивал — войти, пробиться, узнать его тайны.

— Пошли в обход, — негромко сказал Боафо. — Вон туда... — Он показал на густой кустарник, росший между могучими стволами. — Надо двигаться незаметно, чтоб жрецы нас не видели...

Друзья разом кивнули: конечно, Боафо прав. А там будет видно, что делать.

Все трое стали решительно продираться сквозь колючий кустарник. Тропа с бредущими по ней паломниками исчезла из вида. Боафо шел впереди, но идти было трудно: кусты росли густо, сплошной стеной, и не всегда друзья могли обойтись без мачете. Пришлось Боафо поменяться местами с Агьяманом: слишком часто приходилось Агьяману пускать в ход так предусмотрительно захваченное им оружие.

Было тихо и сумрачно, потом стало холодно и почти темно.

Агьяман вздрогнул, поднял голову — солнце над их головами исчезло: кроны деревьев закрыли его. Незаметно для себя ребята зашли в самую чащу. Зеленая стена окружала их, заслоняя собой весь свет. Сваленные временем стволы, колючие кустарники, тяжелые ветви, сорванные давно умчавшейся непогодой... Сверху, снизу, впереди, сзади — повсюду высокие деревья, обвитые ползучими лианами, везде пасмурно, сыро. Даже засуха не смогла проникнуть сюда: лес не пустил к себе палящее солнце. Здесь цвели кустарники, укрытые от зноя надежным зеленым шатром. И вдруг луч солнца, неведомо как пробившийся в эту глушь, скользнул по листьям, и ветви шевельнулись и ожили.

— Ха! — тяжело перевел дыхание Боафо. — Наконец-то он ожил, этот заколдованный лес. Ну и что мы будем делать? Вот мы продираемся сквозь чащобу, и что же? Где его искать, ягненка?

Он сказал так, и приятели остановились и тревожно переглянулись. Слова Боафо поставили их в тупик: об этом они не подумали. В самом деле, куда им идти?

— Может, сядем и вместе решим? — предложила Опокува и, не выдержав, призналась: — Я так устала!

Друзья уселись на поваленное бурей дерево. Опокува вытянула гудящие от усталости ноги, с облегчением вздохнула. Полная тишина стояла вокруг.

— Где-то здесь, — невольно понизив голос, сказал Агьяман, — живут эти самые жрецы. Говорят, они не могут селиться рядом с идолом, у святилища... Говорят, они живут в стороне... Если ягненок жив, он должен быть с ними...

— Но как их найти? — подумал вслух Боафо и сокрушенно покачал головой. — Лес такой огромный... И мы ведь не знаем, где они, где их хижины, куда нам идти — направо, налево, а может, назад? Мы даже не знаем, где сидим сейчас сами. Знаем только, что в лесу...

— Да-а-а, — протянул Агьяман. — Так где же могут быть их хижины? Куда идти? Наверное, просто вперед?

Никто не знал ответа на этот вопрос, никто ничего не мог придумать. Даже Опокува, кажется, приуныла...

Кто знает, сколько бы они так просидели, если б не Мпотсе. До сих пор он спокойно лежал у ног хозяина, положив морду на лапы и прикрыв глаза. А тут вдруг открыл глаза, вскочил с места и стал рваться в чащу, глухо и грозно рыча. Боафо едва успел схватить его за веревку.

— Ну что ты, что ты? — уговаривал он пса. — Ты куда, дурачок?

Но Мпотсе будто не слышал. Он натягивал веревку и яростно лаял, не слушая увещаний хозяина.

— Да что с тобой, наконец! — рассердился Боафо и встал. — Что тебе надо, скажи?

— Оставь его: может, он чует какого-то зверя, — остановил друга Агьяман. — Отпусти-ка веревку, посмотрим, что будет.

— Посмотрим... — проворчал Боафо. — А если он убежит в лес да заблудится?

— Собака всегда найдет дорогу назад, — обиделась за Мпотсе Опокува.

Она замолчала и молчала довольно долго, но потом какая-то мысль пришла ей в голову. Глаза ее заблестели. Она поднялась с поваленного ствола, на котором сидела, подошла к Боафо.

— Послушай, — сказала она и положила руку ему на плечо, —пусти Мпотсе, а мы пойдем вслед за ним. Вдруг он почуял ягненка?

— А что, правильно! — воскликнул Боафо и ослабил веревку. — Не все потеряно, друзья. Вперед, Мпотсе!

Пес, радостно взвизгнув, рванулся вперед. Боафо бежал, не выпуская веревку из рук. За ним спешили отдохнувшие Агьяман и Опокува. Их путь по-прежнему был нелегок. Препятствия вырастали одно за другим, и не было им конца. Подлесок был таким густым, что вскоре им снова пришлось перейти с бега на шаг. Потом Агьяману опять понадобилось его мачете. Резкими, размашистыми движениями он рубил преграждавшие путь лианы, расчищая дорогу. Друзья молча и быстро продвигались впе-

ред: перепрыгивали через поваленные стволы деревьев, отводили в сторону извивающиеся лианы, нагибаясь, пролезали сквозь молодую поросль.

Но вот Опокува стала уставать: путь оказался ей не под силу. Она все чаще спотыкалась и даже падала. Тогда Агьяман кричал Боафо, чтоб тот остановился, и помогал ей подняться. Опокува вставала, стряхивала с платья листья и тонкие веточки, вытирала ладонью вспотевший лоб и шла снова, но тут же опять начинала спотыкаться. Ничего не поделаешь, в конце концов пришлось пойти медленнее. Но тут взбунтовался Мпотсе. Он рвался вперед, натягивая веревку, и хрипло дышал. Ребята, переглянувшись, ускорили шаг, потом побежали. Мпотсе мчался как бешеный, иногда вдруг останавливался, слушал молчаливый лес, поставив уши торчком, и снова бежал вперед. Временами он, казалось, не знал, куда бежать дальше, но потом что-то подсказывало ему верный путь, и он устремлялся к одному ему ведомой цели.

Эти короткие остановки служили ребятам неожиданным, благодатным отдыхом. Они останавливались рядом с Мпотсе и старались восстановить дыхание. Потом гонка возобновлялась. Теперь они даже радовались, когда подлесок преграждал им путь и Агьяман пускал в ход мачете — ведь это тоже был отдых...

Наконец Опокува, задыхаясь, сказала:

— Скоро, должно быть, полдень, давайте передохнем. — Она вытерла ладонью мокрый от пота лоб.

Ребята остановились и вопросительно уставились на нее.

— Откуда ты знаешь, что скоро полдень? — устало спросил Боафо.

— Есть хочется, вот откуда, — просто ответила Опокува.

Агьяман изумленно воззрился на эту удивительную девочку: он, например, и думать забыл о еде! Но теперь Опокува напомнила, и он тут же ощутил сосущую боль в желудке. А ведь они ничего с собой не захватили, никто не позаботился о самом главном. Подготовились, называется, к экспедиции!

— Кажется, где-то тут ананасы, — с надеждой в голосе сказал Агьяман. — В тот, последний раз, когда я рубил кустарник, я их заметил... Только это не точно...

— Пошли поищем, — встрепенулся Боафо. — Что-нибудь да найдем, не может быть, чтоб ничего съедобного не было. В таком лесу да вдруг голодать! Наверняка найдем хоть бананы...

Забыв про ягненка, они бросились искать ананасы. Скоро их поиски были вознаграждены. Три куста росли совсем рядом, на двух уже созрели плоды. Агьяман принялся орудовать своим мачете. Он срезал ананасы с колючих веток, разделил их на части и роздал друзьям. Ребята сидели, наслаждаясь душистыми ананасами, сладкий сок стекал у них с подбородка, а Мпотсе лежал, свесив влажный язык, и снисходительно смотрел на хозяина.

Но вот обед позади. Отдохнувшие, освежившиеся, они снова двинулись в путь. Мпотсе рвался вперед с прежним усердием, а друзья скоро опять запыхались: дорога пошла в гору. Медленно, но неуклонно поднимались они на высокий холм, весь в зарослях колючих кустарников.

Так прошло около часа. И вдруг Мпотсе остановился. Уши у него стали торчком, короткий хвост настороженно замер. Ребята тоже остановились. Но они даже не успели понять, что так встревожило Мпотсе. Они ничего не успели сообразить, потому что все вокруг пришло в движение. Закачались высокие, под небо, деревья, зашелестели, словно жестяные, листья, сдавленные стоны, странные вопли обрушились на ребят со всех сторон.

В застывших от страха глазах Агьямана Опокува прочла собственную, обжегшую ее мысль: все это они уже слышали там, у святилища, когда вместе с Наной Оту приходили искать помощи у великого Нананома. Теперь все повторилось, только не грохотал над ними громовой голос, повелевший им тогда закрыть лица и пасть на колени.

Они стояли оцепенев от ужаса, не в силах двинуться с места, и слушали страшные эти звуки, объяснение которым не

смогли найти тогда, в священной роще, и не находили теперь. Трещали и гнулись деревья, вой перешел в пронзительный визг. И тут Опокува глянула вверх, и крик ее на мгновение оглушил Агьямана и Боафо.

— Там... там... — повторяла она, — там, наверху, человек... Бежим!

Но было уже слишком поздно: человек с дерева стремительно спускался к ним, цепляясь, как обезьяна, за ветви. Агьяман дернул Боафо за руку, они нырнули в густую траву и тут же отползли подальше, что было сил работая коленями и локтями. Опокува мгновенно последовала их примеру: до ребят ей было уже не добраться, но спасительная высокая трава скрыла ее от глаз незнакомца. И вдруг визг, стоны — все стихло. Настала страшная тишина.

И в этой звенящей тишине мягко спрыгнул с дерева человек. Длинные, спутанные, пропыленные насквозь волосы падали ему на плечи, разрисованное белыми знаками лицо могло напугать до смерти. Такие же знаки были у него на руках. «Вот он — слугитель идола», — ахнул про себя Боафо и плотнее прижался к земле. Если он найдет их, им несдобровать, это ясно. Бурные трупки на бедрах... белые знаки на лице и руках... Все это они уже видели — вчера, в священной роще. Но здесь, в сумраке мрачного леса, жрец казался еще страшнее. Он был дик и ужасен. Шерсть у Мпотсе встала дыбом; еще мгновение — и он вскочит, залает. Боафо судорожно прижал пса к себе, сомкнул ему пасть и так держал, стараясь успокоить рвущегося в бой Мпотсе. А слугитель вдруг прохрипел зловещим, сдавленным голосом:

— А ну выходи, гадкая девчонка. Все равно найду... уйти не позволю, раз уж ты все видела...

Он был совсем рядом с мальчишками. Дыхание со свистом рвалось из их груди, и они не могли удержать эти хриплые звуки; сердца бешено колотились. Жрец постоял и двинулся дальше — ребятам казалось, что прошла целая вечность, пока он сделал от них шаг в сторону.

— Выходи, говорят! — заорал он во все горло. — Наши тайны не для вас, низкие простые люди...

Он кричал все громче, голос его поднимался выше и выше:

— Да, мы прячемся на деревьях и забрасываем на ветки длинные веревки. Мы дергаем за веревки, и деревья шатаются и скрипят, и летят с них листья и ломаются сучья... Мы прячемся в кронах деревьев, у нас есть тайники на земле. И мы кричим и визжим, стонем и воем, и вы страшитесь нашего леса, вы, простолюдины, — те, кто приходит к нашей святыне! И так вы убеждаетесь в мощи и силе великого Нананом! А ты, девчонка, посмела меня заметить! Теперь ты знаешь...

Он вдруг расхохотался, и эхо повторило этот злобный хохот. Глаза у жреца горели безумием, руки тряслись. Диким был его смех, диким был и лик безумца. Агьяман с Боафо, не сговариваясь, уткнулись лицом в траву, не смея даже взглянуть на жреца. А жрец шел прямо на Опокуву. Если б он не был так ослеплен яростью, он бы давно увидел ее: она не успела как следует спрятаться и лежала, замерев, в густой траве, не в силах двинуться с места. Жрец чуть было не прошел мимо, но тут случилось то, чего никто уж не мог предвидеть. Острые тонкие травинки давно лезли в нос Опокувы: ведь она лежала ничком на земле. Опокува почувствовала, что сейчас, сию минуту чихнет. Из всех сил стараясь сдержаться, она зажала рот рукой, но было уже поздно. Громкое «ап-чхи!» пролетело по лесу, человек подпрыгнул от неожиданности, но тут же бросился к Опокуве, словно кот к перепуганной насмерть мышке.

— А-а-а! — завопил он, и его безумные глаза расширились, загорелись мрачным торжеством.

Рывком поставил он на ноги застывшую от страха Опокуву и затоптался, приплясывая, вокруг дерзкой девчонки.

— А ну, говори, кто тебя подослал? Зачем суешь нос в наши дела? С кем ты пришла, чтобы следить за нами? Говори!

Опокува только покачала головой: страх судорогой сжал ей горло. А потом она уставилась в землю, словно пойманный с поличным преступник.

- С кем ты сюда пришла, говори!
- Одна...— выдавила из себя Опокува.
- Врешь!
- Правда, одна...

Язык с трудом повиновался Опокуве, но она заставила себя поднять глаза и взглянула на страшного своего собеседника. Она взглянула и ахнула и чуть не крикнула, но сумела сдержаться. Агьяман заметил, как блеснули ее глаза. Что же она увидела?..

— Как ты нашла дорогу? — продолжал рычать человек. — Как добралась одна, если ты и в самом деле одна? — Он все еще сомневался.

Опокува снова опустила голову и больше уже не сказала ни слова. Безумец с наслаждением поглядел на покорную судьбе Опокуву, злобный хохот снова огласил лес, и эхо его повторило.

Агьяман с Боафо лежали в траве, не в силах помочь Опокуве. Они только молили богов, чтобы она не выдала их ненароком. Но они напрасно боялись: Опокува молчала. Жрец пугал ее и грозил ей страшными карами, потом уговаривал, даже просил — все было напрасно. Опокува словно онемела.

И тогда жрец рывком перебросил ее легкое тело через плечо и ринулся в чащу. Опокува дико вскрикнула, беспомощно замахала руками, заболтала ногами в воздухе. Это случилось так быстро и так внезапно, что Агьяман с Боафо ничего не успели сообразить — жрец вместе с пленной Опокувой скрылся в чаще.

6. КРИК ОВЕА

гьяман с Боафо, ошеломленные тем, что случилось, насмерть перепуганные, лежали в траве, не в силах пошевелиться. Наконец они встали — ноги были налиты свинцовой тяжестью, бессильное отчаяние охватило их. Ах, как недоставало им сейчас Опокувы: уж она-то что-нибудь бы придумала! Она всегда выручала их во всех переделках, всегда была их верной надеждой...

Ребята стояли под кронами мрачных деревьев и не знали, что теперь делать? Мпотсе тревожно заглядывал им в глаза, нюхал землю, яростно скреб лапами сухую траву. Он рвался в бой, он прекрасно понимал, какая случилась беда.

— Может, вернуться в город за помощью? — нерешительно предложил Агьяман.

— Да ты что! — возмутился Боафо. — А что мы скажем Нане Оту? Как объясним, куда девалась Опокува? Эх, и зачем нам понадобился этот самый ягненок! Ну, да что теперь говорить! Влипли мы, ничего не скажешь!.. Пошли! Надо найти Опокуву, теперь уж не до ягненка...

— Но мы же не знаем, куда он ее утащил! — отчаянно воскликнул Агьяман.

— Ну и что? — взорвался Боафо. — А разве мы знали, где искать ягненка? Ведь нет же? Нет! Но ведь отправились же мы на поиски! Пошли, хватит болтать!

Боафо сурово взглянул на Агьямана. Тот, казалось, потерял

всякую способность двигаться: стоял уставясь в землю и казался таким перепуганным...

— Да не стой ты так! — заорал на него Боафо. — У нас же собака! Вот увидишь, она приведет нас к Опокуве, куда бы этот злодей ни утащил ее, ясно? Ну, вперед, за Мпотсе!

Боафо ослабил веревку, и Мпотсе рванулся в заросли, туда, где только что исчез жрец, а с ним и Опокува. Молча, сосредоточенно, стараясь не шуметь, ребята продирались за псом сквозь кустарник. До боли в глазах всматривались они в густую траву: искали потайную тропу, по которой — теперь они были в этом почти уверены — подбирались к священной роще тайные служители идола. Напряженно всматривались они в окружающий их лес, пытаясь проникнуть взглядом за любую чуть намечавшуюся прогалину — вдруг это тропа, начало тропы; надеясь увидеть сломанную ветку или еще что-нибудь, что указывало бы на присутствие человека. Но вокруг были одни только деревья, густая листва, кустарники... А Мпотсе легко и уверенно бежал вперед, принохиваясь к одному ему ведомым следам и запахам.

Так прошло около часа. Теперь Агьяман с Боафо стали еще осторожнее: замирали на месте при малейшем движении или шуме, двигались вперед крадучись, словно кошки, стараясь не ступать на сухие ветви или лианы — вдруг треснут. Не теряя надежды найти тропу, они не озирались больше по сторонам, смотрели только себе под ноги. Лес вел их все дальше и дальше.

Стемнело. Воздух стал свеж и прохладен. Агьяман первым заметил это и хотел сказать Боафо, что надвигается вечер, скоро станет совсем темно и они уже ничего не смогут сделать, но тут как вкопанный остановился Мпотсе. Он уже останавливался так несколько раз, будто теряя след, а потом бежал дальше, но на этот раз пес, казалось, замер надолго. Можно было передохнуть.

— Ну, что будем делать? — спросил Боафо, с укоризной глядя на пса.

Верный Мпотсе ответил хозяину преданным взглядом.

— Послушай,— Агьяман коснулся руки Боафо,— ты ничего не заметил?

— Нет, ничего... Темнеет... Ты об этом?

— Я о другом: лес стал реже, похоже, подходим к открытому месту.

Боафо огляделся и увидел, что его друг прав.

— Темнеет...— поежился Агьяман.

Он поднял голову: теперь уже можно было видеть небо, кроны деревьев больше не скрывали его. Небо было темно-синим, почти фиолетовым; они и оглянуться не успели, как пролетел этот полный тревог и опасностей день. Агьяман поежился, как от холода. Боафо ободряюще положил руку ему на плечо.

— Что с тобой, друг? — спросил он мягко, и Агьяман не выдержал и признался.

— Я... я боюсь,— сказал он и низко опустил голову.

— Чего?

— Боюсь остаться здесь на ночь,— чуть слышно шепнул Агьяман.— Где мы будем спать, скажи? Ни хижины, ни шалаша... И мы не найдем, не найдем Опокувы...— Агьяман тихо всхлипнул. Страх одолел стыд, и теперь он плакал, уже не стесняясь.

Боафо растерялся: только слез им и не хватало... Эх, была бы рядом Опокува, она бы знала, что делать! Но ее с ними нет, и хватит об этом думать! Так решил Боафо, взял себя в руки и сурово взглянул на Агьямана. Надо что-то сделать, что-то сказать ему, успокоить, поддержать в нем мужество. В конце концов, разве не он, Боафо, возглавляет экспедицию? Разве Агьяман не признал его за главного, разве не подчиняется ему во всем — здесь, в чаще леса, в мрачных густых сумерках?

Так решил Боафо и похлопал по спине Агьямана:

— Не хнычь, дружище. Вот увидишь, мы отыщем и нашу Опокуву, и ягненка. Все будет в порядке, поверь мне. А теперь — вперед: темнеет, идет ночь, надо найти место для ночлега. Завтра мы продолжим поиски.

— Но где же мы будем спать? — Агьяман робко взглянул в спокойное лицо Боафо. — Только не здесь, не в кустарнике: я боюсь змей.

— Конечно, не здесь, — успокоил его Боафо. — Мы не будем спать на земле. Мы найдем крепкое дерево и заберемся повыше. Не бойся, Агьяман.

Агьяман полными слез глазами смотрел в лицо друга. Оно снова стало спокойным. Хорошо... Хорошо, что Боафо спокоен, а главное — знает, что делать. Агьяман перевел дыхание, облизал пересохшие губы; здорово же он перетрусил, стыдно даже...

Стремительно приближалась ночь. Надо было торопиться. Друзья быстро пошли вперед, отыскивая взглядом подходящее для ночлега дерево. Тропа по-прежнему вилась в гору, и они поднимались все выше и выше. Наконец они взобрались на холм; пожалуй, это был даже не холм, а вытянутый гребень какой-то горной гряды. По другую ее сторону расстилалась долина, смутно черневшая в совсем близкой уже ночи. Отсюда, с холма, был виден лес — длинный, темно-зеленый пояс деревьев. Ни хижины, ни огонька — никаких признаков человеческого жилья. Только лес, бесконечный лес...

Ребята шли по гребню холма, подняв головы, стараясь побыстрее отыскать пригодное для ночлега дерево. Но хотя деревья были повсюду, подходящего что-то не находилось. А между тем стало совсем темно.

— Иди быстрее, — дрогнувшим голосом попросил Агьяман. — Смотри, как сгущается тьма. — Он снова потерял обретенное было мужество.

И тут Боафо радостно вскрикнул:

— Гляди-ка, вот оно! Как оно тебе нравится? — Боафо торжественно показал на не очень высокое и не очень большое, но крепкое, разлапистое дерево.

Это действительно было то, что нужно: на толстом стволе, в самой середине, росло три кряжистых сука, два совсем рядом друг с другом, чуть повыше еще один, а уж где-то там, высоко,

была вершина — шапка зеленых, невидимых в темноте листьев.

— Здорово... — протянул Агьяман. — Лезем?

— Лезем! — откликнулся Боафо. — Ты будешь спать на тех ветвях, что пониже, а я — над тобой.

— А пес? — спохватился Агьяман.

Все это время верный Мпотсе бежал рядом с ними и теперь стоял под деревом, глядя на своих хозяев, и, казалось, все понимал. Во всяком случае, при этих словах Агьямана он склонил голову набок и перевел внимательный взгляд на Боафо, будто спрашивая: «Да, в самом деле, а я?.. Где проведу эту ночь я, Мпотсе?»

Боафо призадумался, но ненадолго.

— Придется привязать его к дереву, — сказал он. — Мпотсе не будет против, я знаю. А если кто приблизится к нам, он залает и нас разбудит, верно я говорю? — И Боафо потрепал пса по загривку.

Мпотсе не возражал. Его привязали к стволу, и он тут же принялся рыть лапами землю и разбрасывать в разные стороны сухие листья. Устроив себе таким образом что-то вроде норы, Мпотсе улегся поудобнее, положил морду на передние лапы. А друзья полезли на дерево. Первым с помощью Боафо вскарабкался Агьяман. Он уселся на тот сук, что покрепче, свесив ноги и прислонившись спиной к стволу. Потом протянул руку другу и помог взобраться Боафо. В темноте Агьяман слышал, как где-то наверху устраивается на ночлег Боафо и взлаивает, засыпая, Мпотсе.

Настала ночь, и ожил молчаливый днем лес. Воздух наполнился бесконечным звоном moskitov. И под этот немолчный звон, под звенящий хор насекомых Боафо с Агьяманом крепко заснули.

Боафо проснулся внезапно и резко, словно кто-то невидимый в темноте толкнул или окликнул его. Он проснулся и вздрогнул, и чуть не свалился с ветки, на которой так удобно устроился на ночь. Что случилось? Что его разбудило? Он осто-

рожно наклонился, держась обеими руками за ветки, чтоб не упасть. Он старался разглядеть, найти Агьямана, но ничего не было видно. И вдруг Агьяман вскрикнул — глухо, приглушенно, и Боафо тут же крикнул в ответ:

— Что с тобой? Агьяман!.. Отзовись.

Через минуту откуда-то снизу раздался чуть виноватый голос:

— Я тебя разбудил, Боафо? Прости. Мне приснился ужасный сон: тот человек с дерева... Он гнался за мной, прыгал, цепляясь за лианы, а в руке у него большой — в жизни таких не видел, — ну, просто огромный нож. Я будто забрался на дерево, а он стал пилить его этим ножом... Дерево зашаталось, вот-вот рухнет...

Голос Агьямана дрожал, казалось, еще немного — и он заплачется. Боафо поежился: в самом деле, страшный сон... А тут еще эта темная ночь — ни огонька, ни звезды на небе, мрак... Оба окончательно проснулись и сидели теперь без сна, прижавшись к спасительному стволу дерева. Широко раскрытыми глазами всматривались они в темноту. А вдруг кто-то сейчас стоит, притаившись, под деревом и ждет своего часа, ждет, когда они оба заснут и свалятся? А вдруг служители идола рыщут по джунглям? Ночь нагоняла страх, тревога росла и росла.

— Ой, что это? — негромко вскрикнул Агьяман; там, далеко, в долине, что-то вдруг изменилось: блеснул отблеск костра, задвигались тени.

— Где? — испуганно спросил Боафо: он пока ничего не видел.

— Внизу, видишь, в долине! Смотри, огоньки... Это духи, Боафо, духи ночи... вышли теперь на охоту...

— Не вижу... — пробормотал Боафо.

— Костер... — прошептал Агьяман и повторил громче: — Костер там, внизу... Вон он, среди деревьев... Может, это ведьмы собрались на свой ночной шабаш?

Агьяман не выдержал и зажмурился. Он прямо видел перед

собой этих ведьм: безобразные старухи в лохмотьях, с носами крючком, они плясали вокруг костра, носились в алом от отблесков пламени воздухе, пили человеческую кровь и пьянели от этой горячей крови.

Боафо наконец тоже увидел отблеск костра. Он испугался, но мысль о том, что он — главный в рискованном их путешествии и отвечает за все, придала ему смелости.

— Как ты думаешь, далеко от нашего дерева до костра? — неожиданно твердо спросил он, и Агьяман открыл глаза и словно очнулся.

— Не знаю... — неуверенно протянул он. — Наверное, далеко...

— Да... далековато, — согласился с ним Боафо. — Только это просто костер, дружище, и никаких ведьм там нет и в помине. Там люди, понимаешь, люди — вокруг костра. А ты напридумывал невесть что... — Он помолчал немного и закончил, понизив голос: — А знаешь, кто там? Служители идола — вот кто. Больше некому здесь быть, Агьяман.

И Агьяману во второй раз стало стыдно за свою трусость. Проснувшись уснувшая была тревога за Опокуву, и он сказал:

— Что будем делать, говори! Если у костра жрецы, то и Опокува с ними. Пошли отобьем ее у них, и скорее!

— Нет, — твердо возразил Боафо. — Это нам не удастся. Никакой надежды, пойми. Мы пойдем утром... А теперь — спать: нужны силы, чтобы спасти ее. Спи. И пожалуйста, пусть тебе не снятся больше страшные сны...

Так сказал Боафо и умолк, твердо решив заснуть. Но сон бежал от него, как бежал и от Агьямана, и оба они сидели без сна, глядя на далекий костер, горящий в черной долине. Они смотрели на него и думали об их подруге — веселой, никогда не унывающей Опокуве, она попала сейчас в беду. Потом Боафо услышал легкое похрапывание Агьямана и задремал тоже. Но дремал он недолго — скоро проснулся и принялся будить Агьямана.

— Эй,— шепотом крикнул он, свесившись со своего сука.— Вставай!

Агьяман тут же проснулся, взглянул наверх, пытаясь разглядеть сквозь ветви Боафо.

— Ты ничего не слышишь? — так же шепотом продолжал Боафо.

— Нет...— насторожился Агьяман.

— Слушай... слушай внимательно...

Агьяман прислушался. Сначала до него доносились лишь шум деревьев, шелест листьев под утренним свежим ветром да звон бесчисленных moskitov. Но затем, когда уши его привыкли к ночным звукам, он услышал что-то еще — какой-то крик, чуть слышный, еле заметный...

— Мне кажется... кажется, это кричит овеа,— неуверенно сказал Агьяман.

— Слушай, слушай! — нетерпеливо отмахнулся от него Боафо.— Ты уверен, что это он?

Агьяман замер. Он слушал с таким напряжением, что даже дыхание затаил. Наконец он передохнул и сказал:

— Да, это овеа, и он кричит снова и снова...

Но Боафо отрицательно покачал головой:

— Нет, это не овеа. Кто-то подражает его крику, и очень здорово...

И тут Агьяман вспомнил. Он даже подпрыгнул от неожиданности.

— Кто-то подражает! — крикнул он.— Тогда это Опокува! Ты тоже так думаешь, да? Ты думаешь, что она там, в долине?

Боафо кивнул. Он стал вдруг очень спокойным.

— Конечно. Помнишь, она подавала нам такой же сигнал, когда мы спасали священную скамейку вождя?

— Ну да, да,— заторопился Агьяман.— Все я теперь помню. Говори скорей, что надо делать...

Незаметно для себя он давно признал Боафо за главного.

— Надо ответить ей, — сосредоточенно нахмурился Боафо. — Чтоб она знала, что мы здесь, что мы ее слышим. Ей сразу же станет легче. Давай-ка вместе: три-четыре...

Сложив ладони рупором, они закричали протяжно и уныло: «Овеа-а-а! Овеа-а-а...» И тут же снизу, из долины, донесся ответный зов. Опокува звала их на помощь, крик зверька овеа яснее слов говорил об этом.

— Ну, слышишь? — загорелся Агьяман. — Это оттуда, от ночного костра! Значит, они там живут. Пошли быстрее, пошли — крик овеа поведет нас теперь прямо к Опокуве.

Агьяман, как и в первый раз, готов был двинуться в путь сразу, теперь же, но Боафо остановил его.

— погоди, — сказал он, — погоди до рассвета. Не надо спешить: ведь мы теперь знаем, где она.

— Но до утра с ней может случиться беда! — взорвался Агьяман: кто бы мог подумать, что это он так пал духом вчера вечером? — Мы тут сидим и, видишь ли, ждем рассвета, а с ней неизвестно что происходит. И потом, днем нас могут увидеть. Идем сейчас же, пока темно, пока нас не видно, пока они, может быть, спят...

И Боафо не нашел возражений на горячую речь друга. Они ловко спустились с дерева, отвязали Мпотсе. Пес, подпрыгнув, облизал их лица — они не успели отстраниться — и взвизгнул от радости. Но Боафо легонько стегнул его веревкой и сказал твердо и медленно:

— Тихо, Мпотсе. Тихо, понял? Веди нас к Опокуве и молчи. Ни звука...

Пес взвизгнул еще раз в доказательство, что все понял, и натянул поводок. Костер жрецов был виден и здесь, на земле, — яркая звездочка в темной массе деревьев. И они пошли на свет далекого костра. Они шли и шли, и протяжный крик овеа вел их к Опокуве. И каждый раз они отвечали на этот зов: Опокува должна знать, что помощь близка.

Скоро они спустились в долину. Идти стало легче. Мпотсе бежал впереди, оглядывался и призывал их взглядом идти

быстрее. Опокува жива! Эта мысль заставляла сильнее биться сердца, придавала силы. Но что за тайны у служителей Нананома? Что за странные, страшные люди... И вдруг тревожная россыпь барабанов донеслась до ребят. Барабаны звучали настойчиво и неутомимо, приглушенно и очень четко. Боафо сжал руку Агьямана: что это значит? Что там еще происходит? Почему забили в ночи барабаны?..

Теперь ребята почти бежали — на свет костра и звук барабанов, на крик овеа: он звучал уже совсем близко. Но не успели Агьяман с Боафо сделать несколько шагов, как услышали песню. Пел негромкий хор мужских голосов, и было в этом торжественном пении что-то такое жуткое, что друзья остановились как вкопанные.

Они были совсем рядом с костром, стояли, боясь, что треснет под ногой ветка или зашелестит сухая листва. Но вот Боафо тронул Агьямана за руку, шепнул, приложив губы к самому его уху:

— Подойдем ближе: они ничего не услышат за своим пением и барабанами...

Они сделали несколько осторожных шагов, держа Мпотсе на коротком поводке, и перед ними открылась большая поляна...

На поляне пылал огромный, до самых небес, костер, возле костра сидели люди, и люди эти были служителями великого идола Нананомпоу. Они не расположились, как простые смертные, на земле, нет, каждый из них восседал на отдельной низкой скамеечке, а скамеечки эти в три ряда окружали костер. Жрецы пели воинственную, грозную песнь, и барабаны отбивали ритм песни.

Двое плясали вокруг костра. Спутанные курчавые волосы торчали у танцоров в разные стороны, короткие юбочки из сухих пальмовых листьев развеивались вокруг бедер. Жрецы до самого пояса были голыми, только длинные бусы свисали с их плеч, переkreшиваясь на груди, и такие же бусы подпрыгивали

у них на лодыжках. Они плясали, размахивая короткими опахалами из тростника, и потные тела блестели в свете костра.

Затаив дыхание следили за ними Агьяман и Боафо. Нельзя сказать, что они не видели прежде ритуальных священных плясок. Конечно же, видели — у себя в деревне, и в доме вождя, и здесь, в Манкесиме. Но этот танец был совсем другим, и даже не сам танец, а вся странная эта картина. Два черных тела в красном зареве костра, темная ночь, глухой лес — и эта неожиданная поляна... Тела кружатся, изгибаются под глухое грозное пение, барабаны стучат и требуют чего-то, а вокруг — никого, только лес...

— Хватит глазеть, — подтолкнул Боафо друга. — Надо искать Опокуву.

Костер очерчивал своим светом большой круг. За ним была темнота. Но ночь уже отступала, темнота не была очень густой, вот-вот станет видно все совсем ясно. Глаза привыкли к яркому пламени, и за ним, за костром, можно было разглядеть с десяток невзрачных хижин, крытых тростником, как водится в этих краях. С каждой стороны хижины, опять же как водится, — по одному окну — маленькому, подслеповатому. Все это было знакомо. Но поодаль стояли пять других, круглых хижин, совсем иных, и почему-то особняком. Одну, ту, что поближе, ребята хорошо разглядели, четыре другие прятались в темноте. И тут снова раздался крик овеа, и они поняли, где искать Опокуву.

На этот раз из осторожности они ей не ответили. Медленно-медленно обогнули Боафо с Агьяманом костер и подобрались к хижине, из которой только что раздался протяжный крик: «Овеа-а-а! Овеа-а-а!» Хижина стояла чуть в стороне от других, с ней рядом — еще одна, но только одна, остальные — на расстоянии.

— Она здесь, — шепнул Агьяман. Боафо молча кивнул.

От хижины их отделяло не более десяти ярдов¹, густые

¹ Яр д — мера длины, равная 91,4 сантиметра.

кусты скрывали ребят от врагов. Но эти десять ярдов предстояло как-то преодолеть — ни кустов, ни высокой травы здесь не было. А костер безжалостно освещал ничем не защищенное пространство. Друзья колебались только мгновение, на один короткий миг страх прижал их к земле. И в этот самый миг перестали стучать барабаны, замолчали певцы, над поляной нависла тишина, прерываемая лишь треском костра.

— Плохо, — встревоженно шепнул другу Агьяман.

— Почему? — также шепотом отозвался Боафо.

— Я как раз собирался вскочить и добежать до хижины... Давай подождем немного, может, жрецы заголосят свою песню снова... А если нет, что тогда?

— Подождем... посмотрим... — хмуро сказал Боафо.

Но ждать оказалось трудно, просто невыносимо. Подумать только: Опокува здесь, рядом, а они не могут до нее добраться! Нетерпение не давало стоять смирно. Агьяман переминался с ноги на ногу, Боафо шумно вздыхал. Что, если проклятые барабаны никогда больше не заговорят? Что, если певцы и танцоры разбредутся по своим хижинам? А Опокува... она одна или нет? Может, кто-то ее стережет? Спит у входа в хижину, чтоб она не сбежала? Но куда ей бежать в этом глухом лесу?

И тут, когда ожидание стало нестерпимым, вновь грянули барабаны — громко, яростно, просто свирепо, совсем не так, как прежде.

— Вперед, — шепнул Боафо. — Только не беги, давай лучше ползком.

— Нет, ты стой здесь, держи Мпотсе. — Агьяман мигом сообщил, что пса девать некуда: он ринется за ними, и тогда все пропало.

Боафо приготовился возражать, но Агьяман сердито махнул рукой, бросил последний взгляд на жрецов и осторожно пополз к хижине, работая локтями и подтягивая к локтям ноги. Кто из них, интересно, волновался больше? Наверное, все-таки Боафо: Агьяман был слишком занят — он полз, и сердце его бешено

стучало в груди от волнения и усталости. А Боафо ничем сейчас не мог помочь другу. Он стоял, прижимая к себе Мпотсе, и сердце его колотилось так же бешено, как у Агьямана, хотя он и не двигался с места.

Наконец Агьяман добрался до хижины. Боафо вздохнул с облегчением: он видел, как его друг выпрямился и шагнул внутрь, к Опокуве.

7. ТАЙНА УБЕЖИЩА ИДОЛА

Хижина была маленькой, круглой и низкой, такой низкой, что когда проскользнувший внутрь Агьяман встал во весь рост, он почти коснулся головой ее тростниковой крыши. Он инстинктивно пригнулся, на минуту потерял равновесие, но тут же ухватился за балку и устоял на ногах. Сдерживая рвущееся со свистом дыхание, он, наклонившись, всматривался в темноту, в дальнюю комнату. Круглое отверстие в крыше впускало в ту скрытую от него комнату ночь, но ночь была темна, и так же темно было в хижине. Агьяман постоял немного тихо и молча и наконец решился.

— Опокува...— негромко позвал он в темноту.— Где ты, Опокува? Это я, Агьяман.

И тут же радостный, знакомый голос откликнулся на его зов:

— Ой, это ты? В самом деле ты, Агьяман? Ну, тогда он сработал, хорошо сработал...

— Кто сработал? — Агьяман даже испугался: о чем это она говорит?

— Как кто? — Опокува нервно хихикнула где-то там в глубине.— Крик овеа, конечно.

— Ах, ты об этом,— облегченно вздохнул Агьяман.— Ну да, мы слышали его, когда ночевали на дереве, там, на холме. И пошли на крик...

— А где Боафо?

— С собакой сидит в кустах, за хижинкой... Мы пришли освободить тебя! Как к тебе войти? Или ты можешь выйти сама?

— Нет...— донесся до него грустный голос.— Моя дверь заперта снаружи, и она с той, с другой стороны, ее хорошо видно...

— Кому видно? — растерялся Агьяман.

— Ну, тем, у костра...— с заминкой произнесла Опокува.— Я вот смотрю и вижу из-под двери отблеск костра, значит, костер ее освещает... Они сразу тебя заметят, если ты подойдешь к двери.

Агьяман молчал. Он пытался что-то придумать, сообразить— быстрее, быстрее, времени оставалось так мало: вот-вот рассветет. Но ничего путного не приходило ему в голову.

— Сделай что-нибудь, Опокува! — взмолился он, совсем потерявшись.— Я ничего не могу придумать!

— Я тоже...— тихо прошелестело из темноты.— И у меня связаны руки и ноги... Я лежу на земле и не могу двинуться...

Агьяман замер от ужаса: они еще и связали ее! Наступило молчание... Что делать? Что же делать? Он прижался щекой к балке.

— Опокува! — позвал он.— Слышишь, Опокува, попробуй развязаться.

Теперь ему казалось, что только в этом дело. Ей надо освободиться от веревок, тогда она сможет открыть дверь, выйти.

— Скорее, Опокува, скорее! — торопил он, и она послушалась.

Агьяман слышал, как Опокува каталась по земле, стараясь освободиться, потом наступила тишина.

— Нет, не выходит,— призналась Опокува и добавила, утешая: — Послушай, Агьяман, даже если я выберусь из хижины, они скоро хватятся и бросятся за нами в погоню. Они знают лес как свою ладонь, и все в нем тропки, и все опушки...

— Что же делать?

Надежда покинула Агьямана: теперь все пропало... Но Опокува так не думала.

— Слушай,— горячо зашептала она.— Не хочу я, чтоб вас тоже поймали. Сейчас они думают, что я здесь одна, что просто заблудилась и случайно зашла в их лес. Им и в голову не приходит, что вы тоже здесь, что вообще в ущелье кто-то есть, кроме них... Бегите быстрее в город, к Нане Оту...

— Да ты что! — от возмущения Агьяман заорал во весь голос.— Ты что?! Бросить тебя одну?

— Да-да, одну, тише ты, тише! Слушай, я тут такое узнала... Это важно, пойми... Я такое тут обнаружила!..

О чем она говорит? Что она могла тут найти? И вдруг Агьяман вспомнил.

— Это ты о ягненке? — спросил он.

— Да нет! Слушай, теперь можно не очень спешить. Хочешь скажу, что случилось, когда он поймал меня?

— Что? — Агьяман тоже понизил голос до шепота.

— Знаешь, кто он — тот, что спрыгнул тогда с дерева?

— Ну?

— Ни за что не согласишься: это же верховный жрец Абуры!

— Кто? — забывшись, снова закричал Агьяман,— хочешь сказать Окомфо Квеку Ампеа?

— Ну да! Я узнала его! Еще там, в лесу! Я чуть не крикнула от неожиданности, чуть не назвала его имя. Я даже рот зажала рукой, чтоб не заорать, не выдать себя...

— А я видел,— вспомнил Агьяман,— видел, как ты зажала себе рот. Только я не понял тогда, в чем дело, думал, ты это от страха... А потом, что было потом? Говори скорее, надо бежать за помощью...

— А тогда не перебивай,— рассудительно заметила Опокува.

Она выждала минутку, ожидая ответа, но Агьяман благоразумно решил промолчать, и Опокува продолжала.

— Так вот. Он потащил меня по лесу, быстро-быстро. Мне то что: я лежала у него на плечах, а вот он... Знаешь, Агьяман, он неся как стрела, будто под ногами у него было ровное поле,

а ведь я не заметила ни одной тропки. Мне кажется, он знал этот лес, как собственный дом. Он бежал, а я кричала и визжала, и колотила его кулаками, и щипала что есть мочи. Один раз я так впилась ему в плечо, что он завопил на весь лес. Помоему, я разодрала ему плечо, Агьяман. Потом я так его укусила, что он остановился и поколотил меня, здорово поколотил. У меня и сейчас все болит. Ух и орала же я...

Ну и ну, ай да Опокува! Пережить такое — и ничего: так об этом рассказывать, будто не о себе, посмеиваясь...

— Ну вот, — продолжала Опокува. — Я все орала и визжала, а он все бежал и бежал и, наконец, добежал до этой вот деревушки, до этих хижин. Тут нас окружили жрецы, просто целая куча жрецов — высыпали из домов, кричат, машут руками. Многие были такими усталыми, так тяжело дышали, будто долго бежали откуда-то... «Может, они тоже охотились на деревьях, как наш жрец?» — думала я, но никого, конечно, ни о чем не спрашивала...

Опокува замолчала.

— Ну же, говори... — торопил ее Агьяман, и она заговорила снова:

— ...Они все шумели, все спрашивали друг друга о чем-то и почему-то злились, а некоторые молчали и смотрели на меня, как на какое-то чудо, но тоже — очень злобно они меня рассматривали. Я думала, что вот тут же, на поляне, меня и прирежут, а они вдруг смолкли, как по команде, и повернулись лицом к лесу. Смотрю, к нам идет какой-то старик — дряхлый, седой, волосы белые-белые, лицо в морщинах, худой, скулы торчат... Он шел ужасно медленно, и ноги его, наверное, дрожали — очень уж нетвердо ставил он их на землю. Но глаза, знаешь, Агьяман, глаза у него были совсем молодые, такие ясные... Я взглянула на него, и он мне даже понравился: в его глазах не было злобы. Я подумала: «Есть среди них, значит, человек добрый...» Мой страх немножко прошел, я как-то надеялась на этого старика.

Агьяман хмыкнул в темноте: добрый... среди жрецов! А Опокува продолжала:

— Кто-то принес высокую скамейку, и он сел напротив меня. Он сидел и смотрел на меня сверху вниз, с этой высокой скамейки, а все жрецы — на него. Видно было, что они чего-то боялись, беспокоились вроде о чем-то... Он смотрел долго — разглядывал меня с ног до головы и все молчал и молчал. От этого молчания мне стало как-то не по себе, так тревожно... Но тут как раз он и заговорил. «В первый раз за долгие годы чужой проник в наше убежище, — сказал он. — Хорошо, что это всего лишь девчонка... Но все равно — мы не можем позволить ей отсюда уйти, потому что никто не смеет ступить по этой земле, никто не должен знать, где мы живем...» — «Что прикажешь с ней делать?» — спросил Квеку Ампеа. И тут я поняла, что старик — верховный служитель и все они — ничто в сравнении с ним. «Пусть она станет одной из нас», — сказал старик и улыбнулся мне. Сердце у меня замерло: что это значит? Как я могу быть такой же, как вот они? Этого я не знала, но испугалась очень. А он продолжал: «Так хотят духи наших предков, которые привели ее сюда... Им нужны не только жрецы, но и жрицы. Мы обучим ее трудному нашему искусству. Пусть посвятит она свою жизнь идолу...»

Мой мучитель, Квеку Ампеа, был очень доволен, да и другие — тоже. Они все закивали головами, а старик обратился прямо ко мне. «Девочка, — сказал он, и голос его был как мед, — ты нас не бойся. Никто не причинит тебе здесь вреда. Духи хотят, чтобы ты им служила. Потому-то они и привели тебя к нам, в наш заповедный лес. И помни: нет ничего прекраснее, чем служить духам предков. Отвечай, согласна ли ты посвятить свою жизнь идолу?» — «Нет! — закричала я. — Нет! Я хочу домой, к себе, к людям!..»

Опокува замолчала. Агьяман молчал тоже, пораженный услышанным. Через некоторое время до него донесся тихий голос девочки:

— Ух, какими грозными стали вдруг их лица! Только ста-

рик все еще улыбался. «Хорошо,— согласился он,— ты вернешься домой, но не сейчас. Ты вернешься, когда постигнешь всю нашу мудрость и наши тайны, когда станешь великой жрицей...» — «Нет-нет! — кричала я.— Я не хочу быть жрицей!» — «Ты будешь ею»,— сказал он, и голос его не был уже так мягок, как прежде. Мед в его голосе исчез, исчезла улыбка с его лица, и оно стало таким, что я насмерть перепугалась. «Ты будешь ею,— повторил он,— и тогда мы отпустим тебя в твою деревню. Но ты уже будешь нашей. Ты станешь сообщать нам обо всем, что происходит, рассказывать о тех, кто собирается просить совета у Нананомы. И те, кто придут к нам, увидят, что мы все о них знаем, и это перевернет их сердца... И всякий раз, когда народ твой постигнет беда, ты будешь посылать людей к нам, и ты станешь богатой и уважаемой, и имя твое отныне будет внушать людям страх...»

Он говорил все громче и громче, чуть покачиваясь, как во сне: «Они будут приносить в жертву идола коз, кур и овец, они будут давать нам деньги, много денег, слышишь, девчонка? И многое, очень многое перепадет тебе, о будущая жрица. И тебе не придется больше добывать себе пропитание, не придется ничего покупать. Ты просто возьмешь корзину и пойдешь на базар, и отберешь у торговцев все, что тебе угодно. Подумай над этим, дерзкая девчонка. У тебя будет все, если ты останешься с нами».

Он взглянул мне в глаза грозным взглядом, и ужасная улыбка искривила его губы... «Так ты не хочешь быть жрицей?» — спросил он, и я крикнула: «Нет!» А потом я попросила: «Отпустите меня домой! Я хочу домой!» И тогда в глазах старика вспыхнул огонь, а улыбка исчезла с его губ. «Запомни,— сказал он,— мы не отпустим тебя, если не станешь ты жрицей Нананомпоу. Никогда!» И тут он подозвал к себе Окомфо Квеку Ампеа. Тот подошел и встал со стариком рядом. «Мы не отпустим тебя,— повторил жрец.— Мы не позволим тебе рассказывать о том, что ты видела среди нас этого человека. Ты хочешь, чтобы все узнали, что он — наш человек в Абуре? Да, он рабо-

тает на нас, он привел к нам Нану Оту, заставил его просить у нас помощи...» Старик засмеялся: «Мы, конечно, поделимся с ним вашими дарами идолу». — «Отпустите меня, я никому ничего не скажу! — крикнула я. — Не скажу ни слова о том, что видела, что слышала здесь...» Конечно, Агьяман, я врала. «Мне бы только отсюда выбраться...» — думала я. Но старик был очень умный. «Нет, девчонка, — расхохотался он, — твои губы лгут. Меня ты не обманешь: я ведь родился не вчера, очень долго я живу на свете...» — «Честное слово, — просила я. — Ну, честное-пречестное, не скажу...» — «Скажешь... — злобно смеялся старик. — Не умоляй, мы тебя не отпустим, маленькая упрямица. И мы знаем, что делать с такими, как ты: если не хочешь служить духам предков живой, ты послужишь им мертвой...»

— Ой, — ойкнул Агьяман. — Да как же... Да что же... — Казалось, он растерял все слова.

Опокува хмыкнула в темноте.

— Знаешь, я тоже вот так же ойкнула. Все, что угодно, только не это... Слова его падали на мою голову, как большие тяжелые камни. Я уже видела, как эти дикари приносят меня в жертву. Все вдруг стало кружиться вокруг меня — и лес, и жрецы, и седой старик. Они кружились все быстрее и быстрее, а потом пропали, утонули во тьме, и я упала на землю. И больше я ничего не видела, не слышала и не чувствовала, Агьяман. Совсем ничего... Когда я очнулась, я лежала здесь, в этой хижине без окон, со связанными руками и ногами. А теперь я не знаю, что со мной будет... Но как здорово, что вы здесь! Я так и знала, что вы меня ищете, что не бросили меня в беде! Потому я и посылала сигналы, стала кричать голосом овеа, как только стемнело... Знаешь, вот вы рядом — и все не так страшно, и еще — очень хочется есть, просто страшно хочется!

— И мне, — признался Агьяман.

Вот странно, только что он, оцепенев от ужаса, слушал о том, как Опокуву приговорили к смерти, но стоило ей сказать про еду, как весь страх вдруг исчез... Даже стыдно...

— Мы ведь после тех самых ананасов так ничего и не ели,— чуть виновато начал он и тут же перебил сам себя: — Слушай, но что же нам делать? Нельзя так тебя оставлять, ведь они убьют тебя!

— А я думаю — нет.— Голос Опокувы звучал не так уж печально.— Но даже если они и в самом деле решили убить меня, время у нас еще есть. Они не тронут меня, пока не закончатся дни паломничества. Это же не по правилам: приносить человеческие жертвы в священные дни. Им надо дожидаться, когда все уйдут. Вот тогда... Но этого «тогда» не будет, Агьяман. Слушай, что я придумала...

Голос Опокувы упал до едва слышного шепота:

— Иди к Боафо, а утром — с ним вместе в город. Расскажи обо всем вождю. Только он может спасти меня.

— А ты? — Сомнения снова стали одолевать Агьямана.— Ты говоришь, они не посмеют... А вдруг посмеют? Ведь мы уже были у идола, уже принесли дары... Значит, церемония кончена...

Нет, он не мог оставить ее одну. Уйти к Боафо, а Опокува — здесь, в темноте, связанная. Нет, невозможно! Опокува, казалось, все поняла и перестала уговаривать. Теперь она уже приказывала:

— Иди. Быстрее! Церемония еще не окончена: еще идут и идут паломники... Только дождитесь рассвета — теперь уже скоро, совсем скоро... А с рассветом — в путь.

Агьяман не двигался. Он стоял молча, напряженно всматриваясь в темноту. Рассыпалась и затихла барабанная дробь, там, у костра, прекратились ритуальные пляски...

— Скорее! — вскрикнула Опокува.— Кто-то идет к хижине! Я слышу чьи-то шаги. Беги, а то пропадем!

Раздумывать было некогда. Тревога в голосе Опокувы мгновенно передалась Агьяману. Словно испугнутый лесной зверь, прыгнул он в темноту. Через минуту он был уже рядом с Боафо.

— Бежим отсюда,— шепнул он.— И не спрашивай ни о чем. Потом расскажу.

— Куда бежим? — быстро спросил Боафо.

— Куда-нибудь... Подальше отсюда... Здесь опасно. Мы погубим Опокуву.

Боафо не посмел ни о чем спрашивать: сейчас было не до расспросов.

— Бежим опять к нашему дереву, — торопливо прошептал он. — Там мы дождемся утра.

Найти дорогу назад оказалось не так-то просто. Убежище идолов они отыскиали сразу: шли на костер да на крик овеа. А тут они совсем растерялись. Ночь была темна, и темным был лес. Ослепленные светом костра, они двигались наугад, не зная, как выбраться из ущелья. Они шли быстро, почти бежали — быстрее, быстрее, подальше от слугителей грозного идола! Мпотсе молча бежал впереди. Оглядываясь, ребята видели, как маленькой звездочкой, запутавшейся среди густых деревьев, горит костер. Звездочка становилась все меньше и меньше и, наконец, погасла. И тогда Агьяман остановился и сказал:

— Слушай, мы от них убежали, нас не ищут и не поймают. Теперь надо отыскать дерево. Но как найти его?

Боафо остановился тоже, беспомощно посмотрел на Агьямана. Откуда он знает, где искать подходящее для ночлега дерево?

— Надо просто идти вперед, — сказал он, подумав. — Идти и не останавливаться, пока не выберемся из ущелья. Должны же мы когда-нибудь выбраться?

— Должны, — согласился Агьяман. — Помнишь, как мы шли сюда: в лицо нам дул ветер... деревья стояли далеко друг от друга. Сперва мы поднялись на холм, а потом стали спускаться... Идем: может, по дороге попадется удобное для ночлега дерево.

Так они решили и пошли дальше. Они шли молча, не разговаривая, сквозь ночь и черный в этой ночи лес, шли, думая только о том, чтобы не сбиться с пути, выбраться из долины.

Мпотсе по-прежнему бежал впереди, изредка оглядываясь на хозяев. Наконец начался подъем, ущелье кончилось. Но они так устали, так им хотелось спать, что Боафо предложил забраться на первое попавшееся дерево. Он хотел привязать к дереву Мпотсе, но Агьяман остановил его.

— Не надо,— сказал он.— Пусть бежит на свободе, охотится. Он ведь тоже ничего сегодня не ел, может, поймает мышь или еще кого...

— А вдруг убежит? — забеспокоился Боафо.

— Может, и убежит,— согласился Агьяман,— но вернется. Он же знает, что мы здесь, на дереве. Он нас не бросит, верно я говорю, Мпотсе?

И Мпотсе завилял хвостом, подтверждая правоту слов. Потом он рванулся и исчез в темноте. А ребята залезли на дерево и устроились как могли. Конечно, дерево не очень-то было приспособлено для ночлега, сидеть на нем было трудно, особенно для Боафо, но выбирать не приходилось. Оба они ужасно хотели спать, но прежде чем заснуть, Агьяман пересказал Боафо все, что услышал в хижине от Опокувы.

В это самое время Нана Оту возвращался в свою резиденцию. Он был у вождя Манкесима Наны Аду и теперь шел по городу в сопровождении четырех старейшин. Нана Оту шел молча, погруженный в тяжелые думы, и старейшины не смели его беспокоить. Мысли вождя Абуры были сейчас не с ними, они были с Агьяманом и Боафо, с Опокувой. Куда они запропастились? Ему доложили об их исчезновении во время обеда, в полдень — сказали, что никто с утра их не видел, никто, кроме служанки, накормившей ребят завтраком. На обед они не явились. Стали искать, и тут-то выяснилось, что всех троих нет с утра. Женщины переполошились.

— Не надо волноваться,— успокаивал их Нана Оту.— Сегодня — большой базар, может быть, они отправились на площадь и вот-вот вернутся. Оставьте для них обед.

Он сказал так и забыл про ребят: они частенько пропускали обед, увлеченные чем-нибудь, и бегали где-то до вечера. Но к вечеру всегда возвращались. Нана Оту отправился отдохнуть после обеда и вышел из спальни только к заходу солнца. На веранде играли ребята, но его гостей среди них не было. Нана Оту спросил служанку и получил тот же ответ: никто с самого утра их не видел.

Нана Оту нахмурился: не могли же они до сих пор быть на базаре?

— Что-то случилось,— сказал вождь своему толкователю и взглянул на солнце.

Оно было уже у самого горизонта. Алый свет залил двор, окрашивая в красный цвет высокие стены дома.

— Но что же могло случиться? — недоумевал толкователь.

— Не знаю,— покачал головой Нана Оту.— Если они отправились на базар, то почему до сих пор не вернулись? Должны же они хотя бы проголодаться, да и базар давно кончился...

— А вдруг они не на площади?.. — осторожно начал Опанун Фунн.

— Где же им еще быть? — рассердился вождь: как посмел толкователь угадать его тайные мысли?..

— Может, они отправились к идолу,— продолжал свою мысль Фунн.

— Зачем? — нахмурился вождь.

— Не знаю... — задумчиво протянул Опанун Фунн и покачал головой.

Наступило молчание. Нана Оту не двигался, он стоял и упорно думал о чем-то, и рядом с ним, в глубокой задумчивости, стоял толкователь. Оба смотрели на солнце, которое, словно огромный красный мяч, медленно тонуло за горизонтом. Но вот солнце скрылось. Ночь окутала двор темнотой. Дети перестали играть и разошлись по своим комнатам. Нана Оту ходил по веранде, Опанун Фунн следил за ним взглядом. Не-

сколько раз Опанун Фунн хотел что-то сказать, но не решался. Потом не выдержал.

— Надо искать,— промолвил он.— Надо искать, пока не настала ночь. Надо просить помощи, вождь...

— У кого? — Нана Оту подошел к толкователю, заглянул ему в лицо.

— Мы здесь чужие,— сказал Фунн.— Мы здесь чужие и лесов не знаем, мы не найдем. Надо просить помощи у Наны Аду. Пусть бьют в гонг, пусть гремят барабаны и кричит глашатай. Пусть люди знают, что мы ищем ребят: двух мальчиков и одну девочку в цветастом платье и с веселым лицом. Люди помогут нам, Нана Оту.

— Хорошо,— сказал Нана Оту.— Так мы и сделаем.— Лицо его просветлело, надежда оживила вождя.— Послать к вождю Манкесима! Сейчас же...

И Опанун Фунн вместе с двумя старейшинами отправился к вождю Манкесима.

— Онишите глашатаю пропавших детей,— сказал им вождь на прощание.

Старейшины покинули дом, а Нана Оту остался ждать на веранде. Он не шел в комнаты, и слуги вынесли на веранду керосиновые лампы. Язычки пламени колебались от дуновения ветерка, причудливые тени плясали на стенах. Нана Оту ждал.

Между тем весть об исчезновении детей разнеслась среди людей Абуры. На веранде стали собираться те, кто пришел вместе с вождем в Манкесим. Тихо подошли служанки — местные жительницы. Они молча сели в сторонке, изредка поглядывая на ворота: вдруг ворота откроются и появится неразлучная тройца? Все молчали. Потом одна из служанок осмелилась напомнить вождю об ужине, но он только покачал головой. Да и никто в этот вечер не ужинал: люди ждали вестей от Наны Аду.

Казалось, прошла вечность — в глубоком молчании. Но вот вдали забили барабаны, зазвучал тревожно гонг. Потом настала

мгновенная тишина, и в этой тишине, далеко-далеко, разнесся протяжный крик городского глашатая:

— Слушайте, слушайте... слушайте все...

— Наконец-то,— облегченно вздохнул Нана Оту.

Во всем городе открывались двери, жители Манкесима выходили из домов и слушали этот протяжный вопль — случилось что-то особенное, раз кричит глашатай, да еще в такое неурочное время.

— Нана Аду и его старейшины повелели сказать, что друг Наны Аду — вождь Абуры, благородный Нана Оту — попал в беду...— В ясном воздухе крики слышались отчетливо, чисто.— Вождь Абуры пришел к нам в город просить помощи и совета у великого идола Нананомпоу. С вождем пришли его гости — два мальчика и девочка...

Глашатай подробно описал каждого, а потом прокричал, повысив свой звучный голос:

— Этим утром они ушли из дому и пропали. Если кто-нибудь видел кого-то из них или знает кого-то, кто их видел, пусть немедленно идет к вождю Абуры и скажет. Человек этот получит вознаграждение...

Наступила тишина. Замолчал глашатай, и люди Абуры молчали тоже. Потом глашатай снова ударил в гонг — в знак того, что закончил. Через некоторое время где-то вдали, в другом конце города, снова ударили в гонг и снова закричал глашатай — вождь Манкесима сделал все, чтобы о беде знал весь город. А Нане Оту оставалось только ждать.

И вот ворота открылись, и во двор вошли старейшины и толкователь, а с ними — глашатай. Они привели с собой пожилого человека и юношу. Все подошли к Нане Оту, обменялись приветствиями. Первым заговорил глашатай.

— Расскажи обо всем вождю,— сказал он, и юноша стал говорить.

— Мы с братом,— сказал он и кивнул на пожилого мужчину,— пришли в Манкесим, чтобы спросить совета у великого Нананомы. — Голос его дрогнул, он испуганно оглянулся, словно

кто-то стоял за его спиной. — Утром мы отправились к идолу, а по дороге нас обогнали трое ребят. Они похожи на тех, о которых кричал глашатай. С ними была собака — черная с белым, ведь правда? — Он обернулся к брату, и брат молча кивнул.

— А куда они шли? — Голос вождя дрогнул.

— Не знаю... Но тропа вела к идолу... — испуганно понизив голос, сказал юноша.

— Да-да, еще немного — и они пришли бы к нему, — добавил его брат.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил в волнении Нана Оту.

— Я хочу сказать, что они свернули с тропы прямо в лес. Я удивился: что им там надо? Я следил за ними, пока они не исчезли...

— Ой! — всплеснула руками одна из служанок. — В лес! Ой, они там пропали, пропали!..

— Они свернули с тропы, говоришь ты, — медленно повторил Нана Оту. — Это плохо...

— Плохо, плохо, — испуганно подтвердил глашатай. — Никто не смеет ходить по заповедному лесу, никому не позволено ступать по священной земле. Если то, что сказали эти люди, правда, тогда все может случиться... Люди исчезали в священном лесу навсегда, пропадали навеки, никто о них больше не слышал...

Нана Оту закрыл лицо руками. Все молчали. Каждый представлял себе те бесчисленные опасности, какие подстерегали ребят. Потом Нана Оту поблагодарил юношу и его брата и отпустил их, сказав, что завтра они получают вознаграждение.

— Ну, что будем делать? — обратился он затем к старейшинам. — Если они в самом деле отправились в убежище идола, надо идти их спасать.

— Но не можем же мы нарушить запрет? — возразил один из старейшин. — Мы не смеем ступить на землю священного

леса: проклятье самого Нананомпоу падет на наши головы...

— Разве не слышал ты, Нана Оту, про судьбы тех, кто преступал запрет? — поддержал старейшину другой старец.

— Слышал, — задумчиво подтвердил вождь Абуры. — Но если, говорите вы, никто не возвращался из леса, значит, мы потеряли детей навсегда, так?

Старейшины молча опустили головы.

— Но ведь это не мои дети, — продолжал Нана Оту. Голос его звучал сурово. — Они — наши гости, их прислал ко мне мой друг, верховный вождь Асантехёнсе. А вдруг он подумает, что мы принесли их в жертву нашему идолу? Кто может предвидеть, на что он тогда решится?

— Ты прав, Нана Оту, — сказал Опанун Фунн. — Надо идти в лес во что бы то ни стало.

— Но это запрещено, вы же знаете! — подал голос глашатай.

— Придется просить разрешения у Наны Аду, — решил Нана Оту и сам отправился к вождю Манкесима.

Нана Аду уже все знал. Он не ложился спать в ожидании вождя Абуры, и его старейшины не шли спать тоже. Он встретил Нану Оту с почтением и сочувствием, он готов был помочь ему, но старейшины твердили одно: «Никто не смеет ступить на священную землю — это запрет самого Нананомы, и не смертным его отменять». Старейшины говорили о традициях и законах, о смертельном риске, об опасностях, поджидающих незваных гостей в священном лесу...

Совет продолжался долго. Нана Оту стоял на своем. Он спорил со старейшинами, уверял их в том, что все понимает, что никогда не посмел бы преступить законы, но Асантехёнсе — его друг. Не может же он, вождь Абуры, предать дружбу? И сами ребята... Разве они не его гости? Разве не повелевает старинный долг гостеприимства спасти их?

Они спорили и спорили, и наконец Нана Аду сдался.

— Хорошо, — сказал он. — Я пошлю в лес самых лучших, самых мужественных моих воинов. Пусть они идут вместе с

вами, но пусть духи знают, что я противился этому, и сам я не ступлю на запретную землю.

— А я ступлю, — решительно сказал Нана Оту. — Я сам поведу твоих воинов, Нана Аду. И пусть духи гnevаются на меня, пусть знают, что я настоял на этом. Лучше гнев Нананома и тех, кто ему служит, чем горе друга!

Так сказал Нана Оту, поблагодарил вождя Манкесима и покинул дворец. Договорились, что двинутся на поиски рано утром и встретятся у тропы, чтобы сберечь время. Нана Оту верил, что решил все правильно, и потому, придя домой, сразу заснул и спокойно спал до утра.

8. ПОИСКИ

Боафо и Агьяман так устали, что проспали рассвет. Они проснулись, когда солнце уже стояло в небе и весело заглядывало к ним сквозь листву дерева, на котором они устроились на ночлег. Боафо посмотрел вниз: хотел удостовериться, что Мпотсе вернулся.

Верный пес лежал под деревом и с наслаждением что-то грыз — трофей, принесенный с удачной ночной охоты.

Ребята спрыгнули на землю — сначала Агьяман, за ним Боафо. Они потянулись, стряхивая с себя последние остатки сна, и Мпотсе с удовольствием встряхнулся тоже.

Боафо надел на Мпотсе самодельный ошейник, поднял то, что грыз пес, и показал Агьяману.

— Смотри-ка, мышь, — засмеялся Агьяман. — Ну, Мпотсе, я вижу, ты поохотился славно...

Боафо бросил мышь в траву, Мпотсе ринулся было за ней, но сильная рука Боафо удержала его.

— Ну, пошли! — сказал Боафо Агьяману. — Путь до города не близок. Мы и так проспали рассвет. Кто знает, что может случиться с Опокувой.

Агьяман прекрасно понимал друга. До того, как стемнеет, они должны дойти до Манкесима, все рассказать Нане Оту. Он спасет, непременно спасет Опокуву!

...Они шли через подлесок быстро и молча, и Мпотсе так же молча и быстро бежал впереди. Довольно скоро они нашли вчерашнюю тропу и принялись спускаться с холма. Идти стало легче, к тому же был день, а не ночь. Скоро они выйдут на открытое место, и тогда им легче будет найти дорогу к городу.

Ребята шагали быстро, но осторожно: в любую минуту можно было нарваться на кого-нибудь из этих диких жрецов. Приходилось быть начеку.

Они внимательно смотрели под ноги, старались не шуметь, даже продираясь сквозь густые кусты. При каждом шорохе Боафо с Агьяманом останавливались, замирали на месте и стояли молча и тихо до тех пор, пока не убеждались, что опасности нет. А потом шагали еще быстрее, изо всех сил наверстывая упущенное. Они перешагивали через лежащие на земле гигантские стволы деревьев, перебирались через рытвины и колдобины, пускали в ход мачете. Голод терзал их все сильнее, и наконец Агьяман сказал:

— Надо найти что-то... Мы не дойдем...

Боафо вздохнул и признался, что голоден тоже: они же так ничего и не ели со вчерашнего дня, когда полакомились вместе с Опокувой ананасами.

— Давай искать что-нибудь, только не останавливаясь, не сходя с тропы. Просто будем смотреть направо, налево, себе под ноги, чтоб не пропустить то, что съедобно. Да и скоро город...

Агьяман не возражал: Боафо был главным, а долг подчиненного — слушаться, даже на пустой желудок.

Оба усердно всматривались в лесную чащу: теперь уже не от страха перед врагом, а в поисках пищи. Но как назло ничего съедобного не попадалось. Кружилась голова, тяжестью налились ноги, идти становилось все труднее. Спуск кончился.

— Не могу больше, — взмолился Агьяман. — Давай немного передохнем, совсем немного. Раз уж нет пищи, дадим хоть отдых ногам... А то тебе придется тащить меня на себе...

Он еще пытался шутить, но шутка не получалась; Агьяман

остановился, и Боафо пришлось остановиться тоже. Он яростно повернулся к Агьяману.

— А если б Опокува была твоя сестра, твоя, а не моя, что тогда? — крикнул он, забыв об осторожности. — Тогда бы ты небось о еде не думал!

— Не ругай меня, — тихо попросил Агьяман. — Посидим чуть-чуть, ну самую капельку, и отправимся дальше — найдем мы еду или нет, а до города мы дойдем, обещаю...

Боафо сел на землю. Агьяман стоял, прислонившись спиной к могучему дереву, и устало смотрел перед собой. Оба молчали. И вдруг раздался радостный крик Агьямана:

— Смотри, смотри! Вон там... Похоже на папайю...

Крик Агьямана вывел Боафо из оцепенения. Он медленно поднялся, взгляделся в заросли. Правда, похоже...

— Пошли посмотрим, — сказал он и первым ринулся в чащу.

Это и в самом деле была папайя — одно-единственное засохшее деревцо. Наверху висели две круглые зрелые дыньки. Какое-то время ребята стояли в раздумье: как же до них добраться — они на самом верху? Боафо опять было приуныл, но он не успел расстроиться по-настоящему. Агьяман решительно вытащил ржавое свое мачете и пустил в ход. Несколько сильных ударов — и деревцо грохнулось наземь. Боафо не терял времени: бросился подбирать плоды папайи.

Они выгребали маленькие черные зернышки, а уж потом уплетали свежую желтую мякоть, упивались душистым прохладным соком. В этой сухой жаре, в зное нового утомительного дня папайя дала им не только пищу, она утолила жажду. Отдохнув и подкрепившись, друзья продолжали свой путь к городу.

Теперь они были уже в самом сердце леса, в его чащобе. Лес, как и вчера, скрыл от них палящее солнце, сумрак окутал стволы деревьев, гибкие, словно змеи, лианы сплетались над головой. Ребята притихли. Они шли, стараясь ступать легко и бесшумно.

— Тихо! Не двигайся,— шепнул вдруг Боафо и приложил палец к губам.

Агьяман замер на месте. Глубокая, мертвая тишина царила в лесу. Ни звука, ни шороха...

— Ты ничего не слышишь? — шепнул Боафо.

Казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки — так отчаянно вслушивался Агьяман в звенящую тишину. И вот в этой лесной тиши возникли едва слышные звуки — шаги, голоса...

— Да... слышу... — Голос Агьямана дрогнул, на лице был написан страх. — Кто-то приближается, идет прямо к нам. Что же делать? Что делать?

Он оцепенел от ужаса. Даже бежать уже не было сил.

— Это они, служители идола... Это они, жрецы...

Агьяман прижался к Боафо, заглянул ему в лицо. Но на этот раз он не нашел в нем поддержки: Боафо тоже насмерть перепугался. Сердце Агьямана замерло, потом покатилося куда-то вниз. Он схватил своего друга за руку, дернул: надо что-то делать! Боафо медленно повернулся к Агьяману, его неподвижный взгляд был устремлен вдаль.

— Быстро... туда, в кусты... — сказал он хрипло. Казалось, чья-то рука сдавила ему горло.

Боафо подхватил Мпотсе, сжал ему пасть, бросился в густые заросли и замер. Рядом с ним упал на землю Агьяман. Теперь их не было видно.

Голоса и звуки шагов звучали совсем рядом. Целый отряд жрецов подступал все ближе и ближе. Жрецы не пытались скрыть своего присутствия — они негромко переговаривались, окликая друг друга. Это был их лес, незачем было таиться.

Боафо с Агьяманом теснее прижались друг к другу. Оставалось только ждать, и они ждали. Казалось, прошло много-много времени. Наконец из чащи вышел человек, за ним еще и еще... Слезы радости брызнули из глаз Боафо.

— Посмотри! — почему-то шепотом сказал он. — Это же Нана Огу!

— Да, вижу... — так же шепотом откликнулся Боафо.

— Это они за нами! Они нас ищут!

Новые и новые люди появлялись на тропе, их Агьяман не знал, но того, первого, он узнал бы из тысячи... И он бросился к этому человеку, самому сильному, самому могучему из вождей племен, и обнял его колени. А Боафо стоял, окруженный спутниками Наны Оту, и переводил взгляд с одного на другого. Все были вооружены — мачете, копьями, топорами; у одного в руках была здоровенная дубинка, у другого — огромный кол. Горящие факелы в руках говорили о том, что люди готовы искать пропавших и днем и ночью, на открытом месте и в темном лесу. Да, это была настоящая экспедиция.

— О боги! — пришел наконец в себя Нана Оту. — Что вы здесь делаете? Где Опокува? Что случилось? Да знаете ли вы, что попали в запретный лес? Никому не позволено здесь бывать!

Он сыпал вопрос за вопросом, забыв о том, что он вождь и ему надлежит быть сдержанным. И ребята, перебивая друг друга, так же быстро ему отвечали:

— А мы шли к тебе, Нана Оту...

— Опокуву схватили жрецы...

— Они держат ее взаперти...

— Они живут там, в долине, за холмами, — мы их нашли...

И Опокуву тоже...

— Значит, ее схватили? — переспросил Нана Оту, и мальчишки закивали изо всех сил.

— Но что случилось? — продолжал он. — Зачем вы вообще пришли сюда, мальчишки?

И Боафо сказал:

— Мы искали твоего ягненка, Нана.

— Но я отдал его духам предков, — медленно произнес Нана Оту, и лицо его на миг затуманилось скрытой печалью. — Жрец сказал, ягненок уже там, за гранью нашей жизни, на небесах...

— А мы не поверили! — горячо воскликнул Боафо. — И теперь не верим: они все обманщики! Они всех обманывают!

Люди ахнули: так говорить о служителях идола! Нана Оту

протестующе поднял руку, но ребята, торопясь и перебивая друг друга, говорили и говорили обо всем, что с ними случилось, о чем рассказала им Опокува. Нана Оту и все, кто был с ним рядом, слушали молча, не зная, чему им верить. Может, ребята что-то напутали? Невозможно, чтобы все это было правдой! Разве может быть лживым Нананом, великий идол племен фанти?! Они сами, их отцы и отцы их отцов приходили к нему за советом, и он давал им эти советы. Нананом... Святыня... И вдруг — его жрецы лживы! Нет, невозможно!

— Хорошо, — прервал ребят Нана Оту. — Ведите нас к Опокуве. Там все станет ясно...

И они все вместе двинулись в путь — тот самый, что был пройден ребятами утром. Агьяман с Боафо шагали впереди процессии сворачивая на одни им ведомые, едва заметные тропки. За ними шел Нана Оту, а за вождем — все остальные. Теперь ребята шли не скрываясь. Треск веток, шум раздираемых сильными руками лиан сопровождал их, отдаваясь громким эхом. Только они ничего уже не боялись: ведь с ними шел целый отряд. Дважды они порывались снова рассказать обо всем Нане Оту, однако вождь останавливал их повелительным жестом — не мог он поверить в коварство служителей идола.

Но мужеством ребят и этой девочки вождь восхищался. Не испугаться жрецов! Да их он, Нана Оту, и то боится. Стоять на своем, как Опокува... Что и говорить, молодцы!.. Ну а вся эта история — с обманом, с тайным убежищем — преувеличение, детские фантазии. Впрочем, кое-кто из свиты вождя склонен был верить: слухи о жрецах Нананомпоу, неясные, темные, ходили уже давно. И этот лес... Он не мог не пугать... Надо скорее, скорее добраться до места, там все разъяснится.

Вот уже и холм перед ними. За тем холмом — долина Нананомпоу. Лес стал совсем густым, устрашающе темным. Но факелы освещали путь, и люди приготовились перевалить через холм — последнее препятствие нелегкого их пути.

И вдруг все вокруг пришло в движение. Затрещали и зашатались, словно от урагана, деревья, дикие крики, визг, вопли,

летающие со всех сторон, оглушили людей, страх приковал их к месту. Лес ожил, он и впрямь заколдован! Надо бежать, спасаться!.. Но куда? Где найти спасение, когда кажется, что сама земля дрожит под ногами? Справа, слева, впереди, сзади — везде вопли, стоны и крик...

Но вот — разом — все смолкло, так же внезапно, как началось. Мертвая тишина рухнула на людей и тут же взорвалась новым приступом дикой ярости, удесятеренной неведомой силой. Кто знает, может, и повернули бы люди назад, даже сам Нана Оту, если бы не Агьяман: он-то знал, откуда весь этот шум, все эти крики. Он поднял голову и принялся лихорадочно всматриваться в густые кроны деревьев. Он искал на них служителей идола. Увидеть бы хоть одного, показать Нане Оту! Тогда все разрешится, тогда им с Боафо поверят...

Но Агьяман никого не смог разглядеть, а потом все замерло... Ничего, сейчас эти дикари завопят снова!.. И снова ожил заколдованный лес, и опять никого не увидел Агьяман. Он быстро перешел под большое и толстое дерево и, когда налетел третий шквал криков и стонов, высоко-высоко, ближе к вершине, разглядел наконец человека.

Человек сидел на ветке, зажав в руке конец веревки. Другой ее конец был закинут на крону соседнего дерева. Рывок — и крона начинала раскачиваться, как от сильного ветра, а человек визжал и выл во всю мощь своих легких.

— Глядите! — крикнул Агьяман. — Вон он, вон, сидит! Помните, я говорил!.. Это все жрецы, а вовсе не духи: они качают деревья, визжат и стонут...

Агьяман кричал что есть мочи, стараясь перекричать жрецов, он показывал на дерево пальцем. Люди взглянули наверх и тоже увидели человека.

— Смотрите, смотрите, вон он...

— Я вижу, вижу...

В диком шуме никто никого не слышал, но все было ясно и так: ребята не обманули, не преувеличили, ничего такого они и не думали сочинять. Они сказали правду.

И снова тишина пришла так же внезапно, как жуткие эти крики. И в этой тишине зазвенел ликующий крик Боафо:

— Ну что, теперь верите? Их там полно на деревьях, этих лжецов!

— Да... — тихо сказал Нана Оту, и короткое это слово прозвучало грозно и гневно. — Да, теперь мы знаем...

Сомнений не оставалось. Так вот как их, значит, дурачили! Довольно просто... Нананомпоу... Не убежище их богов, не святыня великих духов их предков, а банда дикарей, жуликов, банда лжецов! Разорвать их, мерзавцев, на части — вот чего больше всего хотелось сейчас Нане Оту...

— Схватить его! — крикнул он, но было уже поздно.

Человек на дереве мигом все понял, поймав обращенные на него гневные взоры. Громадными прыжками запрыгал он с ветки на ветку, с дерева на дерево и скрылся в мгновение ока. Только легкое движение веток подсказало Нане Оту, где, в какой стороне он спрыгнул на землю.

— Быстрее за ним, живо! — приказал Нана Оту.

Люди бросились вслед за беглецом, потрясая мачете и топорами, и теперь уже их грозные, воинственные крики будили вековой спящий лес. Но перепутанные лианы, коряги, колючие кустарники преграждали им путь. Тогда они пустили в ход свое оружие. Стук топоров рождал гулкое эхо, кусты валялись под ударами мачете, освобождая дорогу. Даже копья были пущены в ход. Но разве могли воины, продвигаясь с такими препятствиями, догнать негодяя? Он уйдет, убежит, он предупредит жрецов об опасности! Надо быстрее, быстрее!

И вот один из преследователей бросил в кусты факел. Мигом побежал огонь по холму, выжигая просеку, и люди ринулись к этой просеке, и топоры и мачете стали им не нужны. Второй воин последовал примеру первого и тоже швырнул свой факел, потом факелы полетели один за другим.

Их взяли с собой, потому что отряд вышел из Манкесима еще до рассвета. И еще — для защиты от змей и других тварей, тех, которыми кишит лес. Сейчас воины щедрой рукой швыря-

ли факелы наземь, не думая о последствиях: азарт погони захватил их.

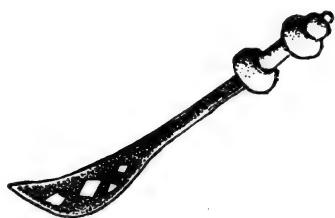
Так они достигли вершины. Оставалось спуститься в долину. Агьяман оглянулся и замер: холм за ним пылал, языки пламени взметались вверх, с легким треском сглатывая кустарник, добираясь до деревьев,— долгая засуха сделала свое дело. Агьяман вскрикнул, и Нана Оту обернулся тоже.

— Скорее! Там, в долине, Опокува! — отчаянно закричал Агьяман.

— Надо торопиться! Огонь идет в долину! — бросился к вождю Боафо.

— Да, — коротко сказал Нана Оту.

Отряд стал спускаться с холма, а пожар разгорался все ярче и ярче.

9. КОНЕЦ УБЕЖИЩА ИДОЛА

оафо и его друг Агьяман быстро спускались по склону, далеко обогнав людей Манкесима. Они спешили туда, к хижине, где была спрятана Опокува. Мпотсе бежал впереди и грозно лаял. Обрывок веревки волочился за ним следом, но никто не смог бы сейчас удержать пса: он был так же взволнован, как и все, лихо перепрыгивал через пни и коряги и лаял без устали. Казалось, он тоже, как и его хозяева, звал пропавшую Опокуву. Ребят пугало, что девочка не отвечает: а вдруг они опоздали? Вдруг с ней что-то случилось? Скорее, скорей... Жрецы могут спрятать ее, пока отряд доберется до их логова!

Они прошли уже половину пути, когда услышали голос Наны Оту.

— Остановитесь! — кричал он воинам. — Стойте!

Боафо на мгновение остановился и оглянулся. Маленькие очажки пожара слились в один, большой — он всю бушевал на пологом склоне. Сзади, куда ни взгляни, пламя хищно лизало деревья, слизывая с них листья и ветви. Огненные языки трепетали на кронах как алые стяги, побеждая, уничтожая зелень леса. Ветер поднимал стяги все выше и выше, к вершинам, к самому небу, перебрасывал их на соседние стволы, а те передавали буйную эстафету дальше. Пересохший от жестокой засухи лес поддавался огню, не сопротивляясь: сухие стволы с треском лопались пополам, раскалывались под на-

тиском пламени, рушились наземь, рассыпая вокруг себя желтые искры. Нежно-голубое небо поблекло в огненном вихре, оно словно растворилось, пропало... Засуха... Это она подбрасывала в огонь все новое и новое топливо. «Засуха... Засуха... Все беды от нее...» — стучало в висках Боафо. Тело чувствовало приближение огня, запах гари щекотал ноздри. Нана Оту понимал всю опасность пожара. Нужно было что-то делать, и быстро.

— Надо остановить огонь, — крикнул он воинам. — Рубите деревья, делайте широкую просеку!

Он выхватил топор у одного из своих людей и ринулся на бой с огнем. Все последовали его примеру. И снова удары топора, шум падающих стволов эхом отозвались в долине. Люди делали все возможное, стараясь остановить огонь: рубили сучья и ветки, оставляли между огнем и собой полосу голой земли, сбивали пламя баграми, затапывали тлеющие очажки. Но только ветер, изменивший вдруг направление, ветер, который стал дуть не к ним, а от них, спас экспедицию. Огонь остановился, заколебался у сделанной людьми полосы, качнулся в другую сторону и стал отступать...

Коричневые тела блестели от пота, на лицах темнела сажа. Но беда миновала.

— Вперед! — скомандовал Нана Оту, и воины Манкесима ринулись на штурм — к убежищу идола.

Боафо догнал Агьямана, который вообще не слышал приказа вождя, в двух словах сказал о том, что им грозило. Агьяман оглянулся и увидел зарево далеко за спиной: огонь пожирал лес на подступах к священной роще...

— Ну, быстрее, — сказал Агьяман, и они рванулись вперед с новой силой.

Кустарник не был здесь таким густым и колючим, как в начале спуска, идти было легче. Но все равно Боафо очень устал. Слабость накатила на него как-то внезапно, дышать стало тяжело и больно, колени ослабли. Он хотел крикнуть, позвать на помощь Агьямана, но в этот самый миг Агьяман резко остано-

вился, и Мпотсе как вкопанный встал с ним рядом. С огромным усилием Боафо сделал еще два шага, переставив тяжелые, какие-то чужие ноги, попытался что-то сказать, но Агьяман обернулся к нему и приложил палец к губам: молчи, мол. Теперь они стояли рядом, прислонившись к высокому дереву. Кустарник скрывал их от посторонних глаз. Агьяман еще раз приложил палец к губам, и Боафо взглянул туда, куда показывал друг. Перед ними лежало убежище идола, где этой ночью плясали жрецы.

Они выбрались прямо к ритуальной поляне. Но то, что предстало их изумленным глазам, нисколько не походило на ночной костер в зеленом лесу, на песни и таинственные ритуальные пляски жрецов под бой барабанов при свете костра. То, что они увидели, не было ни таинственным, ни страшным, а было просто смешным.

По огромной поляне, в ярком, беспощадном свете дня, словно растревоженные в своих дырах крысы, метались жрецы. Они шумели, размахивали руками, толкали друг друга, тащили узлы и корзины. Служители великого идола спасались бегством, как последние жулики, каждый хватал все, до чего могли дотянуться его жадные руки. Значит, они уже знали, тот косматый, с дерева, успел добежать. Запугать Нану Оту не удалось, надо было спастись. Но жадность держала жрецов цепкими когтями, им казалось, что еще есть время. Спасти, унести с собой награбленное — вот что остановило их поспешное бегство. Кто-то тащил на спине барана, кто-то волочил за веревку упирающуюся корову — живое жертвоприношение идолу. Козы и овцы истошно блеяли, упорно не желая слушаться понуканий, куры квохтали, норовя клюнуть алчные руки, петухи кукарекали, хлопая широкими крыльями. Перепуганные животные, неожиданно выпущенные из загона и клеток, пытались вырваться на свободу. Но жрецы злобно, настойчиво гнали их в лес.

— Надо что-то делать, немедленно! — шепнул Боафо, и Агьяман согласно кивнул.

Но что могли они сделать против этой разъяренной толпы?

И главное, они не могли добраться до Опокувы: жрецы метались по всей поляне.

— Ладно, рискнем, — решил Боафо. — Говори, где она?

— Я не знаю, — растерялся Агьяман. — Они все одинаковы, эти хижины, а мы подошли с другой стороны... И потом, тогда была ночь... Все было каким-то другим...

— Мы же знали... — простонал Боафо, — мы ж знали, что вернемся, надо было запомнить...

— Будем ждать, — нахмурился, решил Агьяман. — Сейчас придут наши, и мы бросимся на них в открытую, обобщем все их поганные норы!

Ребята прислушались. Отряд был уже совсем близко: топот ног, голоса слышались все громче и громче.

— Вперед! — крикнул Боафо и выскочил из укрытия.

— Бей их! — завопил Агьяман.

В тот же миг Нана Оту и первые из преследователей показались в долине.

— Смотри, они уносят Опокуву!

Из маленькой хижины, ярдах в пятнадцати от того места, откуда выскочили мальчики, выбежал высокий человек. Он тащил на себе отчаянно отбивавшуюся Опокуву. Руки ее были связаны, но ноги свободны.

— Опокува! Опокува!

Пронзительный крик Боафо долетел до его сестры. Она увидела бегущих к ней мальчишек и обернулась. Глаза ее были полны слез.

Решение пришло мгновенно.

— Мпотсе, вперед! Хватай его, быстро! — скомандовал Боафо.

— За ноги!.. Кусай его за ноги! — заорал вдогонку Агьяман, и пес ринулся на врага.

Вот он настиг негодяя, впился белыми клыками ему в ногу. Жрец взвыл от боли. Он тут же бросил причинившую ему столько хлопот девочку и, хватаясь за укушенную ногу, прихрамывая, скрылся в высоком кустарнике.

Но Мпотсе не собирался отступать. Он ринулся вслед за жрецом, и только грозный окрик Боафо остановил его.

Пришлось послушаться. Пес рычал и дрожал от ярости, глаза его горели злобой, он не отрывал взгляда от кустов, за которыми скрылся похититель.

Опокува, всхлипывая, лежала на земле. Теперь, когда опасность была позади, она плакала, не стыдясь своих слез, она вся дрожала. Мальчики подняли ее с земли. Боафо крепко обнял сестру, прижал к себе.

— Ну же, ну... — повторял он и ничего больше не мог сказать от волнения.

Агьяман вытащил мачете.

— Дай я разрежу веревку, — сказал он.

— Этим? — испуганно отшатнулась Опокува: слишком уж грозным было оружие, слишком маленьким расстояние между ее связанными запястьями. — А ты меня не поранишь? — Страх все еще владел ею, и Боафо это понял.

— Постой-ка, — остановил он друга, — я развяжу.

Но это оказалось не так-то просто. Множество замысловатых узлов было стянуто каким-то неизвестным ему способом. Скоро стало ясно, что развязать невозможно. Боафо переглянулся с Агьяманом, покосился на сестру. Она стояла опустив голову и дрожала по-прежнему. Опокува, их храбрая Опокува и вправду боялась...

Люди Манкесима громили убежище идола. Они срывали с хижин крыши, рушили стены. Посреди поляны пылал огромный костер: жилища жрецов служили ему пищей.

— Придется разрезать веревку, — сказал Опокуве Боафо.

— У нас ведь есть и другие дела, — осторожно напомнил Агьяман.

И Опокува решилась. Она перестала бояться, протянула связанные руки.

— Не спеши, осторожно,— тихо предупредил Агьямана Боафо.

Медленно-медленно перерезал Агьяман веревку, а Опокува, страдальчески морщась, следила за тем, как ржавый нож подползал к ее коже. Но ничего не случилось, и скоро руки ее оказались свободны.

— Спасибо,— облегченно вздохнула Опокува.— Как хорошо!..

Она пошевелила пальцами, потерла затекшие запястья.

— Ну, а теперь...— Боафо прищурился,— теперь у нас есть еще одно дело. Ягненка. Надо найти его.

— Ах да, я и забыла! — подхватила Опокува.— Если его не увели с собой, мы его, конечно, найдем...

Где искать ягненка? — этот вопрос не особенно их беспокоил. А везде... везде, где придется... И они стали забегать во все хижины подряд, в те, что еще стояли на своих местах. Они заглядывали в темные жилища удравших жрецов, еще не преданные огню. Они даже те хижины, что горели, обегали вокруг. Среди треска костра и грохота топоров все трое напряженно вслушивались в каждый звук: не заблеет ли белый ягненок Наны Оту?

Жрецы не успели угнать всех животных, и люди Манкесима, не обращая внимания на огонь, пылавший вокруг, сгоняли обезумевших от страха коров, коз и овец в одно мычащее, блеющее стадо. Ребята стали им помогать. Просторная хижина, самая большая в ущелье, стояла нетронутой среди дыма и чада. К ней-то и погнали стадо. За хижинкой на заднем дворе был огорожен забором двор. Из загона несло кудахтанье кур, блеяние коз и овец. Но забор был высоким, доски пригнаны плотно — ничего нельзя было разглядеть. Эти жрецы так искусно запрятали вход в загон, что, казалось, найти его невозможно.

— Уверена, что ягненок здесь! — горячо заявила Опокува.— Мне даже кажется, что я и голос его слышу.

— Эх, как бы туда забраться! — с досадой вздохнул Агьяман.

Он попытался просунуть между досок мачете, но искусный мастер плотно пригнал доски друг к другу. Боафо, как всегда, в нетерпении топтался на месте. Опокува быстро обежала забор. Потом показала ребятам на растущее рядом с забором дерево.

— Смотрите, вы можете залезть на него и спрыгнуть вниз, — сказала она. — Ветки спускаются внутрь загона.

Боафо мигом забрался на дерево, за ним — Агьяман. Опокува осталась ждать внизу. Мпотсе терпеливо сидел у ее ног.

— Слушай, — донесся до нее голос Агьямана: тот разговаривал с Боафо. — Видишь, во-он один, белый. Может, это и есть ягненок Наны Оту?

Но Агьяман не успел ничего ответить. Опокува бросилась к дереву.

— Брат! — крикнула она. — Посмотри, он весь белый или ножки у него окольцованы черным? Если да, то это ягненок нашего Наны!

— Точно, есть полосочки! — радостно завопил в ответ Боафо. — Это он, сестра, он!

Ребята спрыгнули с дерева прямо в загон. Все смолкло. Опокува чуть не плакала от нетерпения. Ну чего они возятся? Всего-то и надо — взять ягненка на руки и выйти, калитка-то изнутри наверняка видна. С ума сойти с этими копушами! Наконец распахнулась невидимая снаружи калитка, и друзья гордо предстали перед Опокувой с белым ягненком на руках.

— На, держи!

Боафо бережно передал ягненка Опокуве, и она прижала к себе белый комочек.

— Что ж вы так долго? — упрекнула она ребят. — Я уж заждалась.

— Да калитку эту искали! — Агьяман в сердцах ударил калитку ногой. — Ну, теперь — всем свобода! — И он распахнул ее во всю ширь.

Козы и овцы повалили на волю.

— Пошли найдем Нану Оту, обрадуем,— сказала Опокува.

Хижины пылали в огне. Вокруг огромного, до неба, костра стояли воины. Среди них был и Нана Оту.

— Посмотри, Нана, кого мы нашли,— сказала Опокува.

Вождь обернулся. Сначала он даже не понял.

— Что? — рассеянно спросил он, думая о своем.

— Ягненок! — улыбнулась Опокува.

— Какой еще ягненок? — не понимал вождь.

— Да твой, любимый! — Опокува чуть не расплакалась от обиды: он разве не видит?

— Не может быть! — ахнул Нана Оту. — Неужели он, мой ягненок? Где вы его нашли?

— А вон там,— Опокува показала на последнюю уцелевшую хижину. — В загоне.

Весть о том, что нашелся ягненок вождя, тот самый, о котором верховный жрец говорил как о жертве, уже принятой великим Нананомом, разнеслась среди людей Манкесима.

— О боже, как нас дурачили! — вздыхали одни.

— Мошенники! Лжецы! — негодовали другие.

— Убить их, всех до единого! Поймать и прикончить! — разъяренно кричали третьи.

Долгий, пронзительный вопль перекрыл весь этот шум. Кто-то бежал по лесу, кто-то отчаянно кричал. Все разом смолкли, обернулись на крик. Из лесу выскочил человек. Одежда его пылала, в огне были волосы, руки — весь он казался сплошным пылающим факелом. Срывая на бегу горящее фúгу, он стремился добежать до людей, до поляны. Нана Оту отшатнулся, закрыл рукой глаза: зрелище было ужасным. Через минуту человек рухнул у его ног вниз лицом.

— Воды! Быстрее! — властно распорядился Нана Оту, но тут же понял, что никто не знает, где здесь колодец, и крикнул: — Сбивайте с него огонь!

Оцепеневшие от ужаса люди словно проснулись. Они броси-

лись сбивать с несчастного пламя, и пламя скоро погасло.

Человек лежал неподвижно. Один из старейшин стал рядом с ним на колени, наклонился, потом медленно поднялся.

— Он мертв,— сказал старейшина.

— Кто он? Переверните его на спину,— распорядился Нана Оту.

Старейшина выполнил приказание вождя. Люди склонились и заслонили обожженного от ребят. Боафо вытянул шею, пытаясь разглядеть хоть что-то, но ничего не увидел. Нана Оту снова прикрыл рукой глаза и отвернулся. Многие отвернулись тоже.

— Пошли-ка отсюда, ребята,— сказал один из старейшин Абуры и отвел ребят в сторону.

Он упорно смотрел в землю, стараясь не видеть вопрошающих глаз Опокувы. И тогда она спросила:

— Почему все молчат? Кто он?

И старейшина ответил:

— Это был наш жрец, верховный жрец Абуры...

— Окомфо Квеку Ампеа?! — ахнула девочка.

Старейшина кивнул. В глазах его стояли слезы.

10. ДОЛГОЖДАННЫЙ ДОЖДЬ

обирайтесь, собирайтесь быстрее! — слышался голос вождя. — Прочь отсюда, прочь от этого злобного места...

Люди стали собираться в обратный путь. Здесь больше нечего было делать: убежище идола перестало существовать.

Последние хижинки рухнули, пламя лизало крыши. Воины тащили на плечах баранов, вели за собой коров. Как всегда, больше всего хлопот оказалось с козами: они не желали трогаться с места, их сгоняли в стадо короткими палками. Когда не помогли даже палки, решили тащить коз на руках — не бросать же домашнюю скотину в лесу! Нана Оту торопил людей: долина пылала со всех сторон.

Отряд миновал ущелье, начал подниматься на холм. На вершине остановились передохнуть — там, внизу, догорало убежище идола. Истошные вопли жрецов, попавших в ловушку, доносились до путников. Впереди, по ту сторону холма, стоял сожженный огнем лес. Черная земля расстилалась перед воинами, и на этой земле стояли обгоревшие, обожженные стволы некогда цветущих деревьев.

Отряд Наны Оту медленно и ссторожно шел через лес к священной роще, к Нананому. И он вышел наконец к великому идолу.

Огонь добрался и сюда. Он пронзил рощу насквозь и ушел

дальше, оставив разрушительные свои следы. Обуглившиеся остатки жертвоприношений валялись на земле. Их было много, так много, что даже алчные служители идола не смогли бы унести их с собой. Теперь на них смотрели, не в силах оторвать взгляда, люди Манкесима. Такого не дано было видеть никому из простых смертных: это были жертвы, принесенные Нананому. Только глазам жрецов разрешено было созерцать их. Но жрецы разбежались, бросив в панике дары духам предков.

Нана Оту наклонился, тронул большой обгорелый куль, и куль рассыпался под его руками. Воины со страхом смотрели на вождя Абуры. Невольно даже самые храбрые из них подались назад: лучше не подходить близко, не навлекать на себя беды. Никогда бы они не посмели коснуться священных даров. А сам идол... Крыша над ним, дверь к нему — все сгорело, превратилось в пепел. Черные доски — вот что осталось от Нананомпоу...

Отсюда до города было только две мили, тяжкий путь завершен. Постояв немного, Нана Оту пошел прочь. Тропа, протоптанная ногами сотен паломников, повела людей в Манкесим...

— Кто это?! — в испуге вскрикнула Опокува: темная масса людей виднелась в отдалении.

— Как кто? — не понял Боафо. — Люди, конечно.

— Они что, из города? А почему они так стоят? Почему не подходят?

— Не знаю... Может быть, они хотят встретить нас при входе в город... — Боафо неопределенно пожал плечами.

И тут же Опокува сказала, словно подслушав его мысли:

— Не знаю... не думаю... Почему же они тогда не приветствуют нас, не радуются? Если бы они радовались, мы бы услышали...

— Ладно, увидим, — прервал их разговор Агьяман.

Нана Оту думал так же, как Опокува. Странная встреча...

Вот они уже совсем близко, можно их разглядеть — это были в основном женщины. Все, как одна, в трауре — черные, темно-коричневые одеяния, печальные лица...

— Ты сказал, что они нас встречают,— Опокува толкнула в бок Боафо.— А почему тогда они в черном?

Боафо молчал. Нана Оту и старейшины встревоженно переглянулись. Но не цвета одежды больше всего их смутили. Их смутило молчание женщин, полное молчание, с каким они ждали отряд. Люди Наны Оту замолчали тоже. Мертвая тишина нависла над священной тропой.

Медленно подходил отряд к одетым в траур женщинам. Никто не говорил ни слова. Ребята на всякий случай старались держаться поближе к вождю. «Конечно, они все знают,— думал Агьяман.— И что мы вошли в заповедный лес и что отряд разрушил убежище идола. И зарево наверняка было видно из Манкесима». Агьяман оглянулся. Дым стлался по небу, до сих пор отмечая место лесного пожара...

Наконец обе процессии встретились. Женщины чуть отступили, давая дорогу воинам. Нана Оту приветливо улыбнулся. Но ни одной улыбки не получил он в ответ. Женщины молча, враждебно уставились на вождя Абуры. Нана Оту опустил голову: их молчание не было для него загадкой. Ведь он был одним из них, он родился на этой земле и хорошо знал законы племени.

Очень осторожно, стараясь никого не задеть, не толкнуть, повел Нана Оту свой отряд сквозь толпу женщин. Он знал, что теперь будет. И вот сзади, по левую от него руку, раздался громкий плач, плач перешел в рыдание. Нана хотел остановиться, обернуться, утешить, но понимал, что этого нельзя делать. Ровным шагом продолжал он идти вперед. Рыдания раздавались теперь справа, сзади, где-то далеко впереди. Шаг, второй, третий — и вот он уже окружен женщинами, бьющимися в истерику.

Нана Оту все понимал. Он признавал свою вину, ее чувствовал. Он нанес удар женщинам Манкесима, тяжкий удар, но

что он мог сделать? Он был в ответе за ребятишек и должен был их спасти. Нана высоко поднял голову: пусть все видят — он не мог поступить иначе. Но горе женщин было так велико, лица искажены такой болью, что вождь Абуры снова склонил перед ними голову.

Наконец он прошел сквозь толпу, и отряд его прошел тоже. Только женщины не оставили их в покое. Они двигались вслед за воинами, оглашая лес своими рыданиями. И вдруг пронзительный женский вопль врезался в эти рыдания, заглушил их и вслед за воплем тот же голос запричитал на звенящей, высокой ноте:

О горе! О горе нам, горе!
Что делать теперь нам, что делать?
Где помощи взять и защиты
От бед, от страданий, от болей?

Все боги от нас отвернулись,
Покинули нас наши боги!
Обмануты мы колдунами.
Нам в горе никто не поможет...

Не успела она закончить, как другой голос, молодой и сильный, подхватил ее плач:

Кто скажет, несчастным нам, правду?
Наш фетиш — великий Нананом,
Кого почитали, кому доверяли,—
Всего лишь великий обман.

О, горе! Что женщинам делать,
Которых обидели боги,
Не дав им, несчастным, потомства,
К кому же звать им теперь?!

А если нечистые силы
Родное дитя покарают,
К кому же теперь обратится
От горя безумная мать?!

Плач окончился. Притихшие было рыдания взвились с новой силой. Нана Оту шел, сжав зубы, и чувствовал, что силы оставляют его. В глазах его стояли слезы, еще немного — и он выкажет слабость, недостойную вождя Абуры. Но дом, отведенный ему, был уже совсем близко, и мысль эта укрепила слабеющие силы вождя...

Утром Боафо проснулся раньше всех в доме. Он и сам этому удивился: так смертельно устать, так измучиться — и проснуться ни свет ни заря! Поразительно... Он закрыл глаза, постарался снова уснуть, но из этого ничего не вышло. Пришлось встать, выбраться из темной комнаты — осторожно, чтоб не разбудить друзей, — и отправиться умываться. Впрочем, скоро он услышал чьи-то шаги, тихие голоса — дом просыпался, значит, не так уж он рано встал. Но отчего же тогда совсем темно? Боафо вышел на веранду, глянул на небо и, забыв про умывание, бегом побежал назад, в комнату. Он потряс Опокуву за плечо, дернул Агьямана за ногу:

— Эй, вы, вставайте! Пошли скорей за мной: что покажу!..

Ребята оделись, выскочили вслед за Боафо на веранду.

— Ну, видите? — торжествующе сказал Боафо, показывая на небо. — Видите, какие тучи? Дождь! Будет дождь! Сегодня!

— Да, да, — закивал Агьяман.

— Точно! — обрадовалась Опокува. — Небо — как уголь...

В другое время мальчишки бы рассмеялись: скажет тоже — «как уголь». Но теперь было не до смеха: засуха! Они молча смотрели на небо. Темным-темно было вокруг, словно шаловливый ребенок закрасил лик неба черной густой краской — до самого горизонта. Черные тучи плыли медленно и грозно, наполненные влагой, готовые пролиться дождем. Никогда прежде ребята не видели таких тяжелых туч — как могли они держаться на небе, не рухнуть наземь? Солнце чуть-чуть

просвечивало сквозь мощную их грядку. День походил на ночь — ночь без луны и без звезд.

— Не будь я Опокувой, если сегодня не хлынет дождь, — азартно сказала Опокува и поежилась от утренней прохлады.

— А разве мы не сегодня возвращаемся в Абуру? — спросил Агьяман.

— Сегодня, — подтвердил Боафо. — И никакой дождь нам не помеха. Или ты не слышишь, как собираются в доме?

— Да не в этом дело! — зашептала Опокува. — Вся эта история с идолом, а главное — вопли женщин, эта толпа... Вчера вечером я слышала, как Опанун Фунн советовал сразу же возвращаться в Абуру, ни на день не задерживаться...

— Конечно, мы успеем добраться до дождя... — беспечно сказал Боафо.

— Да, кстати, — оживился Агьяман, — помните, жрец обещал Нане Оту, что все будет в порядке: засуха скоро кончится? Значит, она и впрямь вот-вот прекратится.

— Но он же не сказал, что дождь будет сегодня... — хмыкнула Опокува.

— Или в какой-нибудь другой день, — подхватил Боафо.

— Значит, это может быть и сегодня! — засмеялся Агьяман.

— Да я вообще им не верю, этим жрецам, — сердито буркнула Опокува. — Вы же знаете, какие они!..

— Небо говорит, что сегодня хлынет дождь, — заключил Агьяман. — Назвал сегодняшний день жрец или нет, а дождь будет!

Все трое умылись, потом вернулись в спальню, скатали циновки, прибрали как могли в комнате, наелись фуфу, политой соусом из креветок, и присоединились к старейшинам, воинам и слугам — к тем, кто ждал во дворе выхода вождя.

Нана Оту и Опанун Фунн прощались с хозяевами. Наконец они вышли в сопровождении туфухина. Нана Оту сел в паланкин; над ним раскрылся великолепный зонт Абуры. Процессия медленно двинулась в обратный путь.

Опокува, Агьяман и Боафо — а с ними и Мпотсе — шли следом за паланкином. Потом все остальные. Они уже вышли за ограду, когда Опокува тихо тронула Агьямана за руку.

— Чего тебе? — обернулся Агьяман.

— Мачете... Это не твой... — сказала Опокува.

Агьяман с сожалением повесил мачете на то самое место, откуда взял его два дня назад. Но расставаться с ним было жаль. Агьяман привык уже, что у него есть нож, и еще мачете напоминал ему о приключении, которое они пережили все вместе, он мог бы показать его ребятам — там, в своей деревне. Мог бы, если б не Опокува...

За воротами их уже ждали жители города: пришли проводить вождя Абуры. Нана Оту скинул взглядом собравшихся и увидел всех, кто вчера вместе с ним осмелился войти в запретный лес. Чуть позже к процессии присоединились толкователь вождя Манкесима, трое старейшин, глашатай и барабанщик — их прислал Нана Аду.

Они пропустили свиту вождя Абуры и пошли вслед за нею. У самого леса все остановились. Толкователи совершили возлияние богам — пусть они даруют счастье и процветание Манкесиму, удачу в пути и благополучное возвращение вождю Абуры. Барабанщики ударили в барабан, глашатаи затрубили в рога. Нана Оту простился с жителями Манкесима.

Они шли по тропе, ведущей их к дому, и поглядывали на небо. Вокруг было очень тихо. Тяжелые, полные дождя тучи нависли над ними. Природа замерла в ожидании, и люди молчали тоже, замороженные этим напряженным ожиданием. Изредка Нана Оту обменивался несколькими словами со своим

толкователем. Остальные шли молча, погруженные в собственные мысли. Каждый, в самой глубине души, испытывал страх. Люди не могли не думать, не вспоминать о том, что случилось вчера. Что сделают с ними теперь духи предков? Как накажут их за кощунство? Снова и снова кидали они беспокойные взгляды на черный, мрачный свод неба. Остановились, замерли тяжелые тучи. Может быть, это знак гнева богов? Небо грозит бурей — она падет на их головы... Или, может быть, тучи прольются благодатным дождем — ведь его ждали так долго!..

А мальчишки с Опокувой ни о чем таком и не думали. Они торопились. Добраться бы поскорее до дому и плясать и прыгать под летним теплым дождем! А потом рассказывать о невероятных своих приключениях и клясться, что все эти приключения — правда.

Путешественники прошли уже половину пути, как вдруг в природе что-то дрогнуло. Полная неподвижность сменилась тревогой. Подул свежий ветер — первый знак надвигающейся бури. Потом ветер усилился. Черные тучи за клубились по всему небу, а им в ответ полетели вверх сухие листья, и тонкие ветки, и пыль с тропы. Ветер свистел и жужжал, очищая лицо земли, облака клубились и собирались вместе, образуя причудливые картины, рисуя фантастических чудищ с длинными лапами, хищно протянувшимися через все небо.

Казалось, вот-вот одно из чудищ прыгнет на тропу, проглотит по ней идущих. Нана Оту взглянул на небо, покачал головой.

— Надо торопиться, — шепнул он Опанун Фунну.

— Да, — согласился толкователь. — Идет буря... Плохо, если она застанет нас здесь, в лесу.

Люди ускорили шаг. Паланкин заколыхался от легкого бега слуг. А свежий ветерок уже превратился в ветер, который крепчал с каждой минутой. Пыль носилась в воздухе, сухие листья и ветви срывало с деревьев. Ветер налетел на зонт Абуры, стараясь его сломать, унести, умчать прочь, но слуги держали зонт крепко, напрягая мускулы сильных рук. Шелк

яростно хлопал над головой вождя, ветер выл и визжал, словно дикий зверь — тот, что гонит по лесу свою добычу, гонит и никак не может ни поймать ее, ни отпустить.

Сверкнула молния, озарив все вокруг мертвенным светом, за ней — другая, прямо над головой. Гром раскололся над лесом. Люди, согнувшись от бьющего их ветра, упрямо продвигались вперед, к Абуре. Одежды прилипли к усталым телам, пыль ела глаза: зонт опустили как можно ниже, стараясь защитить вождя от стремительно несущейся бури.

— Вперед, быстрее! — крикнул Опанун Фунн.

И не успел он произнести эти слова, как разразилась буря. Все вокруг пришло в движение: листья, ветки, коряги, по обеим сторонам тропы стали гнуться кусты и тонкие деревца. Все куда-то катилось, вздымалось в воздух, летело. Казалось, вот-вот буря сметет все живое, поднимет людей в воздух. В небе, сталкиваясь, сражались друг с другом тучи, молнии сверкали уже беспрерывно, и так же беспрерывно грохотал гром.

По знаку толкователя двое слуг посадили себе на плечи Боафо и Агьямана, молодая служанка живо подхватила перепуганную Опокуву, туго-натуго привязала к своей спине — так было надежнее. Вторая служанка несла на плечах белого, спасенного чудом ягненка. И только Мпотсе было все нипочем. Кто-то из слуг попытался схватить его за веревку, но пес огрызнулся и продолжал бежать рядом с хозяином, бдительно его охраняя, рыча в ответ на каждый удар грома.

Первые крупные капли дождя упали на лица путников, когда они достигли окраин Абуры. Сзади, в лесу, свистела и бушевала буря. Здесь, на открытом месте, ярость ее не была так страшна. Здесь она разразилась долгожданным, благодатным дождем. И под этот дождь высыпали на улицы жители города встречать своего вождя. Они кричали и махали руками, они приветствовали Нану Оту.

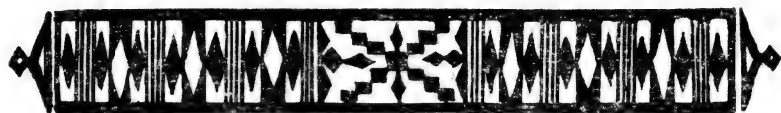
Процессия подходила ко дворцу, когда дождь превратился в ливень. Ослепительная вспышка молнии распорол небо,

словно кто-то чиркнул гигантской спичкой, и тут же, в ответ молнии, яростно прогрохотал гром. Он потряс землю Абуры и всех, кто бежал по этой земле вслед за паланкином вождя. Ливень хлынул на истомленные зноем деревья. Казалось, он во-брал в себя все непролившиеся дожди — те, что обходили Абуру долгие четыре месяца. В минуту люди вымокли до последней нитки — и вождь, и слуги, и жители города. Но ведь это был благодатный, долгожданный дождь, и потому все были счастливы.

Те, кто ждал вождя во дворце, встретили Нану Оту и отвели его в комнаты, а ребята остались на веранде любоваться дождем. Они переоделись во все сухое и теперь сидели и глазели на ливень так, будто видели его впервые в жизни.

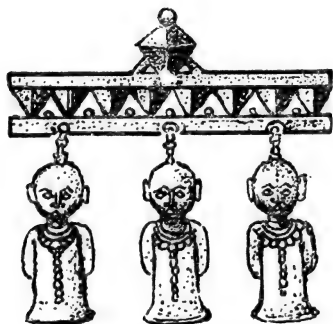
Конечно, прыгать и плясать под дождем им уже не хотелось: очень уж они устали. Но смотреть на бесконечные потоки воды, тяжело низвергающиеся с необъятной высоты, было от-раднo. Дождь, как серое покрывало, занавесил вход на веранду и скрыл от ребят все на свете. Они сидели и смотрели и видели перед собой только дождь и снова и снова — дождь...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М. Чуприн.</i> Мир глазами детей	3
1. Засуха	8
2. Путешествие в Манкесим	21
3. Паломничество к Нананомпоу	34
4. Белый ягненок Наны Оту	46
5. В поисках белого ягненка	52
6. Крик овеа	65
7. Тайна убежища идола	79
8. Поиски	96
9. Конец убежища идола	106
10. Долгожданный дождь	116

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адр у:
125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом
детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Д. О. де Графт-Хансон

УБЕЖИЩЕ ИДОЛА

Повесть

ИБ № 4917

Ответственный редактор *С. К. Беркман*. Художественный редактор *Т. М. Токарева*. Технический редактор *М. В. Гагарина*. Корректоры *Г. В. Давыдова* и *Л. Г. Петроченко*. Сдано в набор 29.01.81. Подписано к печати 19.06.81. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,44. Усл. кр-отт. 8,84. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3029. Цена 35 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Графт-Хансон Д. О. де.

Г78

Убежище идола: Повесть/ Пер. с англ. Е. Ката-
соновой; Предисл. М. Чуприна; Рис. А. Лурье.— М.:
Дет. лит., 1981.— 127 с., ил.

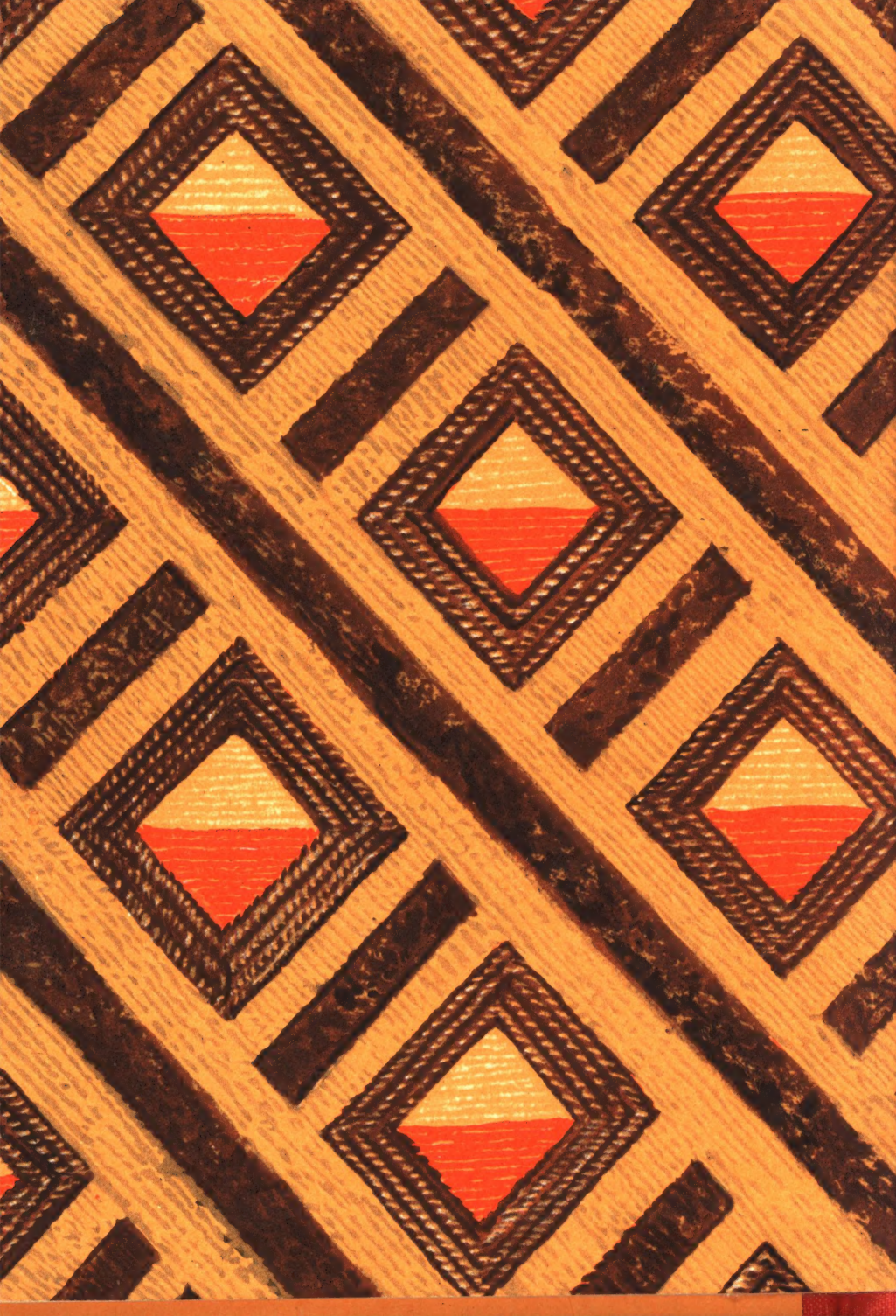
В пер.: 35 к.

Повесть современного ганского писателя знакомит читателя с местными обычаями и новыми веяниями в африканской деревне. В основе сюжета — приключения трех друзей: двух мальчиков и девочки, которые прощались в глухой лес, где жили жрецы, дурачившие долгое время народ.

Г 70803—384
М101(03)81 390—81

И (Афр)

35 коп.

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»